

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

2017 ТОМ 9 № 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии	Заместитель главного редактора	Ответственный секретарь серии
<i>С.А. Воронин</i> , д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования	<i>Е.А. Попова</i> , канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН	<i>А.А. Куделин</i> , канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

2312-8127 (Print) ISSN: 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология

Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, восток-запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история востока и запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.university

Редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 15.05.2017. Выход в свет 30.05.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 605. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2017 VOLUME 9 NUMBER 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (online); 2312-833X (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU),
Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

Rudn Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

Specialties: 07.00.03 World history (Relevant period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source study, Methods of historical research, 07.00.15 History of international relations and foreign policy.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.university

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

Miklukho-Makhlaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АНТИЧНЫЙ МИР

- Гвоздева Т.Б.** Олимпийские игры в «картинах» Филостратов 109

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА

- Халаф Саад С.И.** Дипломатия на высшем уровне в российско-египетских отношениях (2014–2016 гг.) 122
- Арутюнов А.А.** Испанские эмигранты и институт гражданства в СССР (вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг.) 132
- Глазов А.А.** Зарождение испаноязычного радиовещания Коммунистического интернационала 139

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Веселова И.Ю.** Столкновение рационального и религиозного в мировоззрении Франсиско Хавьера Клавихеро 148
- Барина Е.Б.** Актуальные вопросы истории хунну в российских и зарубежных исследованиях конца XX – начала XXI в. 156

ВОСТОК–ЗАПАД: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- Асадуллин Ф.А.** «Татарская Московия»: культурно-политический аспект 169
- Эрдэнэбаяр Г.** Взаимодействие России и Монголии в области образования и науки 184

РЕЦЕНЗИИ

- Сергеева М.О.** Рецензия на книгу: Wendy Z. Goldman Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press 1993. 367 p. 194

CONTENTS

ANTIQUÉ WORLD

- Gvozdeva T.B.** Olympic games in the «pictures» of Filostratos 109

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Khalaf S.S.I.** Diplomacy at the Highest Level and its effect on the Russian-Egyptian relations (2014–2016) 122
- Arutiunov A.A.** The Spanish emigrants and citizenship institution in the USSR (second half of 1930's – early 1940-ies) 132
- Glazov A.** The origination of the communist international radio broadcasting in the Spanish language 139

HISTORY OF HISTORICAL SCIENCE

- Veselova I.** Collision between the rational and the religious in the outlook of Francisco Javier Clavijero 148
- Barinova E.B.** Current issues of Xiongnu history in the Russian and foreign researches late XX – early XXI century 156

EAST AND WEST: DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

- Asadullin F.** “Tatar Muscovy”: the cultural and political aspect 169
- Erdenebajar G.** Interaction of Russia and Mongolia in the field of education and science 184

REVIEWS

- Sergeeva M.O.** Book review of: Wendy Z. Goldman Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press 1993. 367 p. 194

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-109-121

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В «КАРТИНАХ» ФИЛОСТРАТОВ

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В данной статье автор предлагает рассмотреть, как тема Олимпийских игр и Олимпии как центра греческой спортивной атлетики получила отражение в таких уникальных памятниках античной литературы, как «Картины» Филострата Старшего и Филострата Младшего. В них Олимпия названа лучшим местом в Элладе, а Олимпийские игры – лучшим, что есть в Олимпии.

В «Картинах» обоих Филостратов часто упоминаются отдельные виды греческой атлетики. Особое внимание уделяется в них конным соревнованиям (ристанию колесниц и конным скачкам) и единоборствам (борьбе, кулачному бою, панкратиону), реже упоминаются бег и пятиборье. Встречаются в «Картинах» и элементы организации Олимпийских игр – священное перемирие (экехерия), олимпийские судьи (гелландики), наградные олимпийские венки, а также в «Картинах» упоминаются спортивные объекты Олимпии (гипподром, арена, скамма, палестра).

Ключевые слова: Филострат Старший, Филострат Младший, Олимпия, Олимпийские игры, Пелопс, Эномай, экехерия, гелландик, олимпийский венок, олимпионик, панкратион, колесницы

Введение. Олимпийские игры были одним из уникальных явлений Древней Эллады. Они не только открыли страницу «большого спорта», но и оказали большое влияние на греческое искусство: мифологию и литературу, скульптуру и архитектуру. В данной статье нам бы хотелось остановиться на двух уникальных произведениях античной литературы – «Картинах», дошедших до нас под именами Филострата Старшего и Филострата Младшего.

Исследование проблемы. Под именем Филостратов до наших дней сохранилось несколько сочинений, датируемых сер II в. н.э. – сер. III в. н.э. Флавий Филострат, один из ярких представителей второй софистики, принадлежал к греческой интеллектуальной элите и входил в окружение Юлии Домны, супруги римского императора Септимия Севера. Ему приписывается целый ряд произведений, среди которых «Жизнь Аполлония Тианского», «Героика», «Жизнеописания софистов», «Письма» и наконец «Картины», в которых автор описывает некое (реальное или воображаемое) собрание картин. Его внук, Филострат Младший, живший во 2-й пол. III в. н.э., также известен своими «Картинами», в которых он старательно копировал приемы и манеру своего

деда, о чем говорится в предисловии его труда. Поэтому оба сочинения принято называть «Картины» Филострата Старшего и «Картины» Филострата Младшего [1. С. 279].

«Картины» Филостратов представляют большой интерес для исследователей. Однако чаще всего их было принято рассматривать с точки зрения истории античной эстетики, как, например, в работах Лосева А.Ф. [10] и Тахо-Годи А.А. [12]. Предметом более пристального изучения в отечественной историографии «Картины» стали в трудах Брагинской Н.В., которая подробно в своих работах исследовала их жанр, композицию, а также как уникальный источник по истории античной культуры и живописи [1. С. 224–289; 2. С. 274–313]. Однако хотелось бы отметить, что «Картины» представляют собой также и уникальный источник по истории греческого атлетизма, так как в них часто встречаются описание различных состязаний. Кроме того, Филострату Старшему предположительно приписывается небольшая работа «О гимнастике», чем объясняется хорошее знакомство автора с греческим спортом. Однако следует отметить, что с точки зрения античного атлетизма «Картины» редко становились объектом исследования. Пожалуй, можно выделить только монографию американского ученого М. Полякова [16] и статьи Э.В. Янзиной [13, 14, 15]. Однако и эти авторы на примере «Картин» в основном останавливаются на правилах и организации проведения отдельных состязаний, чаще всего единоборств. Тогда как нам в данной статье представляется интересным обратить внимание на то, как в «Картинах» обоих Филостратов нашла свое отражение история и структура Олимпийских игр.

Олимпийские игры проводились в Элиде (область на северо-западе Пелопоннеса), в древнем святилище Зевса Олимпийского, которое находилось в долине рек Алфей и Кладей и было окружено невысокими холмами. Олимпия располагалась в 15 км от побережья. Ее северной границей была невысокая гора Кронос, отделяющая Олимпию от соседних областей. Оливковые и платановые рощи способствовали созданию атмосферы тишины и умиротворенности, и в тяжелые знойные дни давали тень [11. С. 9; 5. С. 21–22].

В нескольких сюжетах «Картин» Филострата Старшего упоминается Олимпия. Особо следует отметить картину «Аррихион», основой которой послужил не миф, а реальные события, произошедшие на 54-й Олимпиаде (564 г. до н.э.). Здесь автор особо подчеркнул исключительную красоту Олимпии (Philostr. *Imag.* II. 6. 1)! Описывая Олимпию, Филострат отмечает: «Тут протекает глубоководный Алфей со своей легкой водою; потому-то он один из всех рек течет по поверхности моря. По его берегам в полном расцвете стоят дикие маслины, голубовато-зеленого цвета, прекрасные, все курчавые, как обвивший их плющ» (II. 6) (1). Бог реки Алфей так же упоминается и в других картинах Филострата Старшего – в «Гипподамии» и в «Пелопсе». В «Гипподамии» он поднимается из глубин, чтобы наградить венком Пелопса, победившего в ристании колесниц (I. 17. 3). В «Пелопсе» же главный герой, «вдохновленный Алфеем», еще только готовится к состязанию (I. 30. 3). Упоминание об Олим-

пии, которой восхищается Зевс, как самой прекрасной местностью в Аркадии встречается и в «Палестре» (Philostr. Imag. II. 32. 1). Красота Олимпии отмечалась многими другими авторами. Об уникальной красоте Олимпии писал Флавий Филострат в «Жизни Аполлония Тианского», отмечая, что именно поэтому Геракл выбрал это место для состязаний (VIII. 18). Красотой Олимпии восхищался и Диодор Сицилийский (IV. 53. 4).

Победа на Олимпийских играх высоко ценилась среди эллинов и превращала олимпионика в национального героя [5. С. 54–55]. Поэтому Филострат отмечал, что Аррихион, победив в Олимпии, совершил великий подвиг (II. 6. 2). В другой картине Форбас так гордился своими победами, как будто одержал их в самой Олимпии (II. 19. 3). Упоминаются в «Картинах» даже правила некоторых олимпийских состязаний. Так, в «Аррихионе» речь идет о том, что панкратиастам в Олимпии запрещалось кусаться и царапаться, зато высоко ценилось умение так сдавить противника, чтобы он задохнулся (II. 6. 3) [14. С. 499–500].

В «Картинах» обоих Филостратов в полной степени был отражен миф о состязании Пелопса и Эномая. Этот миф был связан с основанием Олимпийских игр. Царь Элиды Эномай требовал от женихов своей дочери, прекрасной Гипподамии, состязаться с ним в ристании колесниц. Кони жестокого бога войны Ареса в колеснице царя Эномая, управляемые искусным возничим Миртилом, всегда приходили первыми. Эномай рубил головы всем женихам, проигравшим это состязание. Пелопс не без помощи Миртила победил Эномая, женился на Гипподамии и учредил Олимпийские игры (Pind. Ol. I. 37–89; Soph. El. 503–516; Paus. V. 10. 2; Paus. VI. 21. 6; Paus. VIII. 14. 7). Священный участок героя Пелопса, Пелопейон, являлся важным компонентом олимпийского ансамбля. Огражденная гробница этого легендарного основателя Игр стала первым культовым местом в Олимпии [8. С. 90–91]. Внутри Альтиса, на северо-востоке святилища у входа на стадион находился священный участок супруги Пелопса – Гипподамии. В ее честь женщины Олимпии ежегодно совершали обряды [5. С. 26].

У обоих Филостратов данному мифу были посвящены три картины – это «Гипподамия» и «Пелопс» Филострата Старшего и «Пелопс» Филострата Младшего.

Первая в этом перечне картин идет «Гипподамия», описание которой начинается с момента падения Эномая с колесницы, приведшего к его смерти (Philostr. Imag. I. 17). Автор говорит о разбитой колеснице Эномая, запряженной четверкой черных лошадей (I. 17. 1). Сам Эномай показан диким и страшным, как и его лошади (I. 17. 2). Описание картины завершается триумфом влюбленных, которые вместе в парадном убранстве стоят на колеснице: Пелопс в роскошной лидийской одежде, а Гипподамия в брачных одеяниях (I. 17. 3). Бог Алфей подносит Пелопсу награду в состязаниях – венок из маслины (I. 17. 3). Описание картины завершается упоминанием тринадцати могильных

памятников женихов Гипподамии, которые находятся на гипподроме, что служит лишним подтверждением жестокости Эномая (I. 17. 4).

Картина Филострата Старшего «Пелопс» посвящена подробному описанию Пелопса и Эномая (Philostr. Imag. I. 30). В этой картине автор более четко обозначил роль Посейдона в данной истории, который был божественным покровителем Пелопса. Именно его юноша молил о помощи и от него получил золотую колесницу.

В «Пелопсе» же Филострата Младшего показан момент начала состязания (Philostr. iun. Imag. 10). Описание этой картины – самое подробное из всех трех. Здесь представлены полностью все участники данной драмы. Пелопс в ионийской одежде и в высокой тиаре стоит на колеснице, даре Посейдона. Его переполняет гордость и презренье к Эномаю (10. 2). Рядом с его колесницей находится Гипподамия, одетая в наряд невесты (10. 3). У входа на гипподром мы видим отрубленные головы несчастных женихов Гипподамии (10. 4). Их тени призывают Пелопса к победе, которая стала залогом женитьбы героя на Гипподамии. Упоминает Филострат и коварного Миртила (10. 4), и грозного Эномая, а также его отца, бога войны Ареса (10. 5). Завершается картина описанием Эрота, который подпиливает ось колесницы Эномая и богинь судьбы Мойр, которые символизируют будущую печальную судьбу как самого Миртила, так и потомков Пелопса (10. 6).

Интересно, что сами картины представлены у обоих Филостратов как бы в обратном порядке. В «Гипподамии» показаны торжества после смерти Эномая, радость Гипподамии и Пелопса, триумф их любви (Philostr. Imag. I. 17). В «Пелопсе» Филострата Старшего речь идет о победе Пелопса в конном состязании (Philostr. Imag. I. 30), а в «Пелопсе» Филострата Младшего мы видим только момент начала этого состязания (Philostr. iun. Imag. 10).

На Олимпийских играх впервые был установлен обычай священного перемирия – «экехерия». На время проведения Олимпийских игр прекращались военные действия во всей Элладе (Paus. V. 4. 5). Область Элида становилась «священной зоной мира», в которую никто не имел права вторгаться силой с оружием в руках. Факт установления экехерии был санкционирован Аполлоном Дельфийским. Этот институт был дарован людям богами, и всякое нарушение грозило их гневом [9. С. 120–121]. В храме Зевса в Олимпии перед одной из колонн стояла статуя Ифита, которого венчала венком женщина, символизирующая Экехерию (Paus. V. 10. 10).

В картине «Палестра» Филострат Старший вспоминает об этом священном обычае. Говоря о Палестре, дочери Гермеса, которой приписывает изобретение искусства борьбы, Филострат упоминает о том, что земля Аркадии рада ее изобретению, так как на время «договорного мира» будет спокойно лежать «меч войны». А для людей арена будет куда приятнее, чем военный лагерь, и что состязаться на ней они будут без оружия, обнаженными (II. 32. 1)! Обычай состязаться обнаженными на Олимпийских играх появился с 720 г. до н.э. До этого атлеты выступали в набедренных повязках. На 15-й Олимпиаде

у мегарского атлета Орсиппа, победившего в забеге, во время состязания упала набедренная повязка, и с тех пор было решено выступать на Олимпийских играх обнаженным (Paus. I. 44. 1) [15. С. 1144].

В картине «Аррихион» Филострат Старший упоминает гелланодика – судью Олимпийских игр, который наградил венком уже мертвого Аррихиона. Как отмечает автор, гелланодик был нарисован на картине таким, каким судья был и в жизни (Philostr. Imag. II. 6. 1)! На первых Олимпийских играх в качестве судьи выступил сам царь Элиды Ифит. Согласно традиции, на Олимпийских играх вплоть до 580 г. до н.э. судья был только один, и он обязательно должен был принадлежать к элейскому роду Оксилитов, представители которого являлись потомками Ифита. С 580–480 гг. до н.э. судей стало двое, с 480–472 гг. до н.э. – девять, с 472 г. до н.э. – десять, причем они стали называться гелланодиками («судьи эллинов») (Paus. V. 9. 4). С 580 г. до н.э. должности судей перестали быть наследственными, что позволило ввести некий контроль за их деятельностью. Теперь их выбирали жребием из числа граждан элейской общины. Они одевались в пурпурные одеяния и носили венок на голове [5. С. 47–48]. Очевидно, что именно так и был изображен гелланодик на картине Филострата. Судьи присуждали победу одному из атлетов, решая, таким образом, исход состязания. Интересно, что в качестве судьи в картинах, написанных на мифологические сюжеты, арбитром обычно выступает кто-либо из богов. Так, судьей в борьбе Геракла и Антея назван Гермес (Philostr. Imag. II. 6), а в уже упомянутом «Пелопсе» – бог Алфей, судивший состязание колесниц Пелопса и Эномая, который увенчал венком победителя (Philostr. Imag. I. 17. 3). Оба, Гермес и Алфей, проводят обряд награждения победителей (Геракла и Пелопса) почетными венками.

Победители на Олимпийских играх получали почетный титул «олимпионика». На первых играх наградой им служили различные ценные призы. Еще у Гомера в качестве наград упоминаются оружие и треножники, быки и рабыни. Об этом напоминает Филострат Старший в картине «Антилох» (II. 7). Однако именно в Олимпии установился обычай вручать победителям Игр не ценные призы, а почетные награды – священные венки, ставшие впоследствии самой важной наградой для каждого спортсмена [3. С. 280]. С 7-й Олимпиады (752 г. до н.э.) наградой атлету стал венок из маслины, которую, согласно преданию, посадил сам Геракл (Paus. V. 7. 4). Впоследствии эта традиция закрепились и на других панэллинских играх.

Священный венок из маслины часто упоминается в «Картинах». Так, в «Гипподамии» бог реки Алфей подает Пелопсу венок дикой маслины, а могилы женихов Гипподамии украшены цветами, и кажется, что они увенчаны венками (Philostr. Imag. I. 17. 4). Палестра держит у груди ветку оливы, так как олива напоминает ей о борьбе и доставляет радость всем людям (Philostr. Imag. II. 32. 4). Аррихиона посмертно награждает венком гелланодик (Philostr. Imag. II. 6. 1). В «Антее» победившего в борьбе Геракла увенчал венком Гермес. В венке из дубовых веток появляется богиня Калидона в «Герacle и Ахе-

лое» (Philostr. iun. Imag. 5. 1). В других картинах, сюжет которых связан с состязаниями, упоминаются иные виды наград. Например, Ахиллес требует у Хирона за пойманного оленя награду – красные яблоки и ароматные золотистые соты меда (Philostr. Imag. II. 2. 3). Аполлон обещает Гиацинту в награду обучить его разным искусствам, а также объехать с ним всю землю и побывать во всех странах, где почитают бога (Philostr. iun. Imag. 15. 1).

На Олимпийские игры съезжалось множество людей. В эпоху расцвета Олимпии здесь собирались эллины с территории материковой и островной Греции, из Великой Греции, побережья Малой Азии, Причерноморья. Кроме атлетов и их тренеров в Олимпии стекалось большое количество болельщиков, «фанатов», приехавшими вслед за своими кумирами. Под палящими лучами солнца они часами сидели на склонах горы Кронос, наблюдая за атлетами [5. С. 59]. Публика обычно бурно реагировала на происходящее: зрители громко кричали, приветствовали и подбадривали своих героев (Luc. Anach. 12).

Активное поведение зрителей описано в картине «Аррихион». Зрители кричат, вскакивают со своих мест, «одни из них машут руками, другие размахивают одеждой, третьи вскакивают, а иные шутя начинают бороться с соседями» (Philostr. Imag. II. 6. 2). Все громко кричат, приветствуя победителя! Так же активно ведут себя зрители-эроты в картине «Эроты», где описывается состязание в панкратионе. Зрители с негодованием следят за применением одним из борцов-эротов незаконного приема, справедливо считая это грубейшим нарушением правил, громко кричат и даже хотят закидать виновного яблоками (Philostr. Imag. I. 6. 4)! В картине «Геракл и Ахелой» за борьбой героев наблюдает целая толпа зевак. Здесь и девушка-невеста, и грустный старик, и толпа юношей и даже богиня Калидона (Philostr. iun. Imag. 5. 1). Все поединки Форбаса проходят в лагере диких флегийцев, которые и являются их зрителями (II. 19. 1). В «Болотах» за гонками эротов на лебедях наблюдают лебеди, подпевающие им в такт военный марш, придуманный богом ветра Зефиром (I. 9. 4). В «Гипподамии» и «Пелопсе» за состязанием следят тени убитых женихов (Philostr. iun. Imag. 10. 4), радуясь победе Пелопса (Philostr. Imag. I. 17. 4). Иногда зрителями состязаний являются бессмертные боги. Так, в «Антее» за борьбой Антея и Геракла следят с вершины гор олимпийские боги (II. 21. 6), а в «Пелопсе» Филострата Старшего – Посейдон и Клото (I. 30. 3).

В некоторых картинах Филостратов мы можем встретить описание или упоминание спортивных объектов. Чаще всего речь идет о гипподроме, который упоминался в «Гипподамии» (Philostr. Imag. I. 17. 4), «Пелопсе» (Philostr. iun. Imag. 10. 4), «Островах» (Philostr. Imag. II. 17. 13–14) и «Болотах» (Philostr. Imag. I. 9. 3–4). Могильные памятники женихов Гипподамии, убитых Эномаем, находятся на гипподроме (Philostr. Imag. I. 17. 4), или у входа в него (Philostr. iun. Imag. 10. 4). Над ними возведен могильный холм, украшенный цветами. В «Островах» описывается игрушечный гипподром (Philostr. Imag. II. 17. 7). Причем он такой маленький, что может вместить в себя только игрушечную колесницу. В «Болотах» в качестве гипподрома выступает само боло-

то, на котором катаются на лебедях эроты (Philostr. Imag. I. 9. 3). Вода в нем чистая и красивая, а посреди него растут прекрасные амаранты. Читая эти описания, невольно вспоминается олимпийский гипподром. Это была овальная беговая площадка. Все колесницы выстраивались в один ряд на стартовой линии; их место было определено жребием. Дистанция на олимпийском гипподроме равнялась 770 м и предполагала 12 поворотов (Paus. VI. 20. 10–19). Зрители располагались в основном на длинных сторонах гипподрома и на месте поворота [6. С. 154]. На старте и на поворотах гипподрома были сделаны специальные запасные выходы для упавших лошадей, поврежденных повозок и разбившихся возниц.

Во время конных соревнований колесницы обычно совершали несколько раз поворот вокруг специального столба (меты). Такой поворотный столб упоминается еще у Гомера (Hom. II. XXIII. 326–335). Самой опасной точкой олимпийского гипподрома считался Тараксипп («Ужас лошадей»), алтарь или стела, стоящая на повороте, где обычно разбивались колесницы. Поэтому возницы всегда перед состязанием приносили жертвы Тараксиппу, чтобы он был к ним милостив (Paus. VI. 20. 10–19). В «Болотах» упоминается момент поворота.

Кроме гипподрома в «Антее» (Philostr. Imag. II. 21) и в «Аррихионе» (II. 6. 2) говорится о спортивной площадке для борьбы, покрытой пылью. Во время Олимпийских игр борцы состязались на усыпанной песком площадке – скамме [15. С. 1150]. Кроме того, в «Гиацинте» Филострат Старший описывает возвышение для дискоболов (скамма), с которого те бросали диск: «...служа опорой спине и правой ноге, дает оно телу наклон вперед и тем облегчает вторую, левую ногу, которой нужно приподняться и вместе с правой рукою сделать движение кверху» (I. 24. 2).

Есть в «Картинах» и упоминание палестры, зала для тренировки атлетов. В Олимпии гимнасии и палестры располагались на левом берегу р. Кладыя, к северо-западу от Альтиса. Палестра Олимпии – это квадратное здание, в центре которого был прямоугольный открытый двор, окруженный портиками с большим количеством дверей, ведущих во внутренние помещения [11. С. 176–178; 15. С. 1143]. У Филострата же Палестра показана в образе молодой, сильной девушки, которую окружают разные виды единоборств (Philostr. Imag. II. 32).

В «Картинах» Филостратов встречаются описания или упоминания почти всех видов спортивной программы Олимпийских игр. Из них самыми престижными были конные состязания – ристания колесниц и скачки на лошадях. В программе Олимпийских игр было много вариантов конных соревнований – это скачки на взрослых и молодых лошадях, ристания колесниц, запряженных четверкой или двойкой взрослых/молодых лошадей, состязания колесниц, запряженных мулами (апена), попеременный бег и скачка на лошадях (кальпа) (Paus. V. 8. 7–11). Поэтому в «Картинах» мы встречаем довольно много упоминаний скачек на лошадях и состязаний колесниц (17 картин) [6].

Самым престижным конным состязанием на Олимпийских играх было ристание колесниц, запряженных четверкой лошадей, которое впервые было проведено в 25-ю Олимпиаду (680 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 10). Именно такая колесница, запряженная четверкой взрослых лошадей, упоминается чаще всего в «Картинах» – это и «Гипподамия» (Philostr. Imag. I. 17), «Пелопс» (Philostr. Imag. I. 30), «Ипполит» (Philostr. Imag. II. 4), «Похороны Абдера» (Philostr. Imag. II. 25), «Болота» (Philostr. Imag. I. 9). Причем во всех этих картинах, кроме «Ипполита», речь идет о состязаниях: в «Пелопсе» и «Гипподамии» – об Олимпийских играх, в «Болотах» – о пародии на них, в «Похоронах Абдера» – о местных играх. Реже упоминается «синорида» (колесница, запряженная парой лошадей), которая была введена в олимпийскую агональную программу в 93-ю Олимпиаду (408 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 10–11). Колесницы, запряженные парой лошадей, упомянуты в «Амфиарае» (Philostr. Imag. I. 27) и в «Островах» (Philostr. Imag. II. 17), причем только в последней речь идет о состязаниях.

На 33-й Олимпиаде (648 г. до н.э.) были введены верховые скачки на лошадях, а в 131-ю Олимпиаду (256 г. до н.э.) были введены верховые скачки на молодых лошадях (Paus. V. 8. 7–11). Скачки на лошадях довольно подробно описаны в «Охотниках» (Philostr. Imag. I. 28). А в «Воспитании Ахиллеса» речь идет о тренировках Ахилла, которыми руководит мудрый кентавр Хирон, предсказывающий будущие победы в скачках своего подопечного (Philostr. Imag. II. 2).

После конных состязаний по частоте упоминаний у Филостратов идут единоборства (9 картин). Из них сюжеты пяти картин связаны с борьбой, одной картины – с кулачным боем, двух картин – с панкратионом, и в одной картине упоминаются все единоборства.

Из всех единоборств в программу Олимпийских игр раньше всех была включена борьба. С 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.) ее устроили для взрослых атлетов, а с 37-й Олимпиады (632 г. до н.э.) – для юных атлетов. (Paus. V. 8. 7). Борьба описывается в трех картинах Филострата Старшего («Атлант», «Геракл среди пигмеев», «Антей») и в двух картинах Филострата Младшего («Геракл и Ахелой», «Гиацинт»). Причем в трех из них борьба только упоминается. Так, в «Атланте» автор лишь констатирует факт состязания в борьбе между Гераклом и Атлантом (Philostr. Imag. II. 20 1), тогда как в «Геракле среди пигмеев» он упоминает, что никто не мог сравниться в искусстве борьбы с Гераклом (Philostr. Imag. II. 22. 1). В «Гиацинте» речь идет об Аполлоне, который обучил Гиацинта искусству борьбы (Philostr. iun. Imag. 15. 2).

Зато в двух картинах («Антей» и «Геракл и Ахелой») борьба показана более подробно. Обе картины посвящены Гераклу, и обе начинаются с описания противников, после чего автор показывает момент завершения битвы. В «Антее» Геракл задушил Антея, подняв его над землей (Philostr. Imag. II. 21. 5), а в «Геракле и Ахелое» Геракл вырвал у Ахелоя правый рог и передал его Деянире в качестве подарка (Philostr. iun. Imag. 15. 3).

Интересно отметить, что за исключением «Гиацинта» картины с описанием борьбы связаны с мифологией Геракла и иллюстрируют наиболее известные его поединки с Атлантом, Антеем и Ахелоем.

Среди олимпийских единоборств панкратион по праву считался одним из самых сложных состязаний. В программу Олимпийских игр он был включен с 33-й Олимпиады (648 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 8). Основателем панкратиона в греческих мифах считался Геракл (Paus. V. 8. 3). Поэтому в картине «Похороны Абдера» говорится о том, что Геракл первым принял участие в борьбе, в кулачном бою и в панкратионе на погребальных играх в честь Абдера и во всех трех агонах он стал победителем (Philostr. Imag. II. 25. 2). Однако, несмотря на это, панкратион в «Картинах» не связан с мифологией Геракла.

Описанию панкратиона были посвящены две картины Филострата Старшего. Первая («Аррихион») особенно важна, так как представляет собой описание реального события, произошедшего на Олимпийских играх. Панкратиаст Аррихион из Фигалии был дважды олимпионом, причем свою вторую победу на 54-й Олимпиаде (564 г. до н.э.) он получил посмертно (Paus. VIII. 40. 1–2). В финале боя «...противник Аррихиона, уже схвативши его поперек, решил его задушить: он локтем уперся ему в горло, чтобы прервать у него дыхание; упершись в пах ему бедрами и для этого охвативши крепко оба его подколенка концами обеих своих ног, он успел его удушить...» (Philostr. Imag. II. 6. 4). Собрав последние силы, Аррихион сломал палец на ноге своего противника, который из-за невыносимой боли стал просить пощады, признав тем самым свое поражение, но в этот момент сам Аррихион, сильно им придушенный, умер. Судьи признали победу Аррихиона и украсили венком его труп (Paus. VIII. 40. 1–2). В картине хорошо показаны все опасности панкратиона – бросок, подножка, удары, а также запрет кусать и царапать противника. Несмотря на это, панкратион назван Филостратом самым прекрасным из всех состязаний в Олимпии. Различные приемы панкратиона Филострат Старший перечисляет и в «Эротах» – прием удушения, ломание пальцев и даже кусание ушей противника (Philostr. Imag. I. 6. 4). На Олимпийских играх судьи строго следили за соблюдением правил, однако панкратиасты часто бывали сильно искалечены, что хорошо видно по вазописи и по статуям [5. С. 118–119; 14. С. 494–513].

Кулачный бой считался одним из древних видов соревнований. Наиболее ранние изображения кулачных бойцов на критских сосудах относятся к 1500 г. до н.э. [13. С. 295]. На Олимпийских играх кулачный бой был введен с 23-й Олимпиады, а на 41-й Олимпиаде его включили в программу юных спортсменов (Paus. V. 8. 7–10). Кулачному бою была посвящена картина Филострата Старшего «Форбас» (Philostr. Imag. II. 19), связанная с мифологией Аполлона. Так же, как и в сценах борьбы, Филострат Старший показал нам только финал битвы – победу Аполлона, который только что ударил Форбоса правой рукой в висок, нанеся ему сокрушительный смертельный удар (4) (ср.: *Hom. Od. XVIII. 96*).

В «Палестре» изображено искусство боя. Все виды борьбы показаны в виде мальчиков, которые прыгают вокруг Палестры, дочери Гермеса, – но лучший из них относится к кулачному бою (Philostr. Imag. II. 32. 2)!

Из картины с описанием единоборств только одна имеет непосредственное отношение к Олимпийским играм – это «Аррихион». Однако в «Эротах» показана пародия на Геракла и Аполлона, которые почитались как покровители единоборств.

В меньшей степени в картинах Филостратов получили отражение легкоатлетические состязания: бег и пятиборье. Только в двух картинах Филострата Старшего упоминается бег – это «Воспитание Ахиллеса» и «Антилох». В первой описываются тренировки Ахилла в беге с оленями (Philostr. Imag. II. 2), а во второй автор вспоминает об участии Антилоха в беге на тризне по Патроклу, когда он в качестве приза получил от Ахилла полталанта золота (Philostr. Imag. II. 7. 1).

Что касается олимпийского пятиборья (пентатлон), которое включало в себя бег, борьбу, прыжки в длину, метание копья и диска, то в «Картинах» мы можем найти только состязания в метании диска – это «Гиацинт» Филострата Старшего и «Гиацинт» Филострата Младшего. В первой картине был показан сам момент смерти Гиацинта от диска Аполлона (Philostr. Imag. I. 24). Ценность данной картины состоит в том, что Филострат дает нам описание техники броска, которую, возможно, он скопировал со знаменитой статуи Мирона. Филострат Старший так описывает движение дискобола «...он, повернув назад голову, должен настолько согнуться направо, чтоб видеть свой собственный бок, и бросить диск так, как будто бы он на ремне старался поднять его кверху, собрав все усилие на правой своей стороне» (I. 24. 2). В «Гиацинте» же Филострата Младшего юноша еще жив и только ждет смертельного броска Аполлона (Philostr. iun. Imag. 15). В метании диска также состязался Форбас (Philostr. Imag. II. 19).

Что касается метания копья, то в программе олимпийского пятиборья практиковалось метание на дальность, как и в современных Олимпийских играх. Однако, несмотря на то, что копье упоминается в нескольких картинах, его никто не бросает, поэтому и техника метания копья нигде не описывается, в отличие от техники метания диска (см. статью в сборнике Гвоздева).

Заключение. Олимпийские игры в римский период переживали сложные времена. Олимпия часто подвергалась разграблениям, несмотря на то, что в Олимпийских играх в разное время принимали участие императоры Тиберий и Нерон. Во II в. н.э. Олимпия начала заново отстраиваться благодаря филэллинской политике императора Адриана [4. С. 116]. В период этого «ренессанса» Олимпии было написано много сочинений, ей посвященных: это и «Описание Эллады» Павсания, и XII речь Диона Хрисостома (посвященная статуе Зевса Олимпийского). Отзвук последнего расцвета Олимпийских игр можно увидеть и в «Картинах» Филостратов. В них неоднократно встречается упоминание как самой Олимпии, так и с преувеличенным восторгом

говорится о победах, одержанных на Олимпийских играх. У обоих Филостратов мы видим подробное описание мифа об основании Олимпийских игр. В разных картинах упоминаются отдельные элементы организации и программы Олимпийских игр: судьи (гелландики), священное перемирие (экехерия), награждение олимпийским венком. Встречаются и описание некоторых спортивных объектов (гипподром, арена, скамья) и спортивных снарядов (колесница, диск, копье). Но самое большое место в картинах уделено отдельным состязаниям олимпийской программы (конные состязания, единоборства, бег и пятиборье).

© Гвоздева Т.Б., 2017

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее цитаты из Филострата даются в переводе С.П. Кондратьева по изданию: Филострат (Старший и Младший). Картины. Каллистрат. Статуи. М., 1936.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брагинская Н.В. Генезис «Картин» Филострата Старшего // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1984. С. 224–289.
- [2] Брагинская Н.В. «Картины» Филострата Старшего: генезис и структура диалога перед изображением // Одиссей. Человек в истории, 1994: Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994. С. 274–313.
- [3] Булычева Е.В. Награды победителей игр в Древней Аттике и Северном Причерноморье // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 280–295.
- [4] Гвоздева И.А. Филэллинство в политике императора Адриана // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 109–127.
- [5] Гвоздева Т.Б. Олимпийские игры античности (от мифа к истории). М., 2013.
- [6] Гвоздева Т.Б. Конный агон в «Картинах» Филострата Старшего и Филострата Младшего // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3. М., 2014. С. 146–157.
- [7] Гвоздева Т.Б. Греческий спорт в «Картинах» Филостратов // Традиции античного олимпизма в мировой культуре (от древности до наших дней). М., изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2015. С. 38–65.
- [8] Герасимова Л.Ю. Начало формирования архитектурно-скульптурного ансамбля Олимпии // Концепция нелинейного развития в истории общества и культуры. Н. Новгород, 2006. С. 89–97.
- [9] Кузищин В.И. Древние Олимпийские игры как миротворческий фактор // Вопросы истории. 2000. № 8. 119–135.
- [10] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Т. 5. М., 1979.
- [11] Соколов Г.И. Олимпия. М., 1980.
- [12] Тахо-Годи А.А. Классическое и эллинистическое представление о красоте в действительности и в искусстве // Эстетика и искусство. М., 1966. С. 47–52.

- [13] Янзина Э.В. Античный кулачный бой. Опыт интерпретации греческих и латинских терминов // *Discipuli Magistro: к 80-летию Н.А. Федорова*. М., 2008. С. 292–232.
- [14] Янзина Э.В. Панкратион. К вопросу об интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // *Вопросы классической филологии*. Вып. XV. М., 2010. С. 494–513.
- [15] Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2016. Т. 2. С. 1143–1161.
- [16] Poliakoff M.B. *Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture*. New Haven and London: Yale University Press. 1987.

REFERENCES

- [1] Braginskaya N. In. *Genesis «Kartin» Filostrata Starshego* [The Genesis of Paintings of the Older Philostrata] // *Poetika drevnegrecheskoj literatury* [The Poetics of ancient Greek literature]. М., 1984. S. 224–289.
- [2] Braginskaya N. In. «Kartiny» Filostrata Starshego: genesis i struktura dialoga pered izobrazheniem [A «Picture» of Philostratus the Older: Genesis and structure of the dialogue before the image] // *Odissej. Chelovek v istorii, 1994: Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii* [Odysseus. Man in history, 1994: a picture of the world in popular and academic consciousness]. М., 1994. P. 274–313.
- [3] Bulycheva E.V. *Nagrady pobeditelej igr v Drevnej Attike i Severnom Prichernomor'e* [Awards To the winners of the games in Ancient Attica and the Northern black sea coast] // *Olimpijskie igry v politike i kul'ture* [Olympic games in politics and culture]. М., 2013. S. 280–295.
- [4] Gvozdeva I.A. *Filellinstvo v politike imperatora Adriana* [Filelinism in the policy of the Emperor Hadrian] // *Olimpijskie igry v politike i kul'ture* [The Olympic games in politics and culture]. М., 2013. P. 109–127.
- [5] Gvozdeva T.B. *Olimpijskie igry antichnosti (ot mifa k istorii)* [The Olympic games of antiquity (from myth to history)]. М., 2013.
- [6] Gvozdeva T.B. *Konnyj agon v «Kartinah» Filostrata Starshego i Filostrata Mladshogo* [Equestrian AGON in the “Pictures” of Filostrato Older and Younger Philostrata] // *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti* [East, Europe, America in ancient times]. Vol. 3. М., 2014. P. 146–157.
- [7] Gvozdeva T.B. *Grecheskij sport v «Kartinah» Filostratov* [Greek sport in the «Pictures» of Filostrato] // *the Tradition of the Olympic movement in world culture (from antiquity to the present day)* [Tradicii antichnogo olimpizma v mirovoj kul'ture (ot drevnosti do nashih dnei)]. М., 2015. S. 38–65.
- [8] Gerasimova L.Yu. *Nachalo formirovaniya arhitekturno-skul'pturnogo ansamblya Olimpij* [The Beginning of the formation of the architectural-sculptural ensemble Olympia] // *Koncepciya nelinejnogo razvitiya v istorii obshchestva i kul'tury* [The Concept of non-linear development in the history of society and culture]. N. Novgorod, 2006. P. 89–97.
- [9] Kuisin V.I. *Drevnie Olimpijskie igry kak mirotvorcheskij faktor* [Ancient Olympic games as a peacemaking factor] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2000. No. 8. 119–135.
- [10] Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki. Rannij jellinizm* [History of antique aesthetics. Early Hellenism]. Vol. 5. М., 1979.
- [11] Sokolov G.I. *Olimpiya* [Olympia]. М., 1980.

- [12] Tahoe-Godi A.A. Klassicheskoe i jellinisticheskoe predstavlenie o krasote v dejstvitel'nosti i v iskusstve [Classical and Hellenistic idea of beauty in reality and art] // Jestetika i iskusstvo [Aesthetics and the arts]. M., 1966. P. 47–52.
- [13] Janzina Je.V. Antichnyj kulachnyj boj. Opyt interpretacii grecheskih i latinskih terminov [Ancient pugilism. Experience in the interpretation of Greek and Latin terms] // Discipuli Magistro: k 80-letiyu N.A. Fedorova [Discipuli Magistro: the 80th anniversary of N. And. Fedorov]. M., 2008. S. 292–232.
- [14] Janzina Je.V. Pankration. K voprosu ob interpretacii grecheskih i latinskih sportivnyh terminov [Pankration. To a question on the interpretation of Greek and Latin terms of sports] // Voprosy klassicheskoy filologii [The issues of classical Philology]. Vol. XV. M., 2010. P. 494–513.
- [15] Janzina Je.V., Korneev O.V. O nekotoryh aspektah podgotovki antichnyh atletov-edinoborcev k sostjazanijam: praktika i terminologija trenirovochnogo processa [some aspects of the training of ancient athletes-martial artists for competition: practice and terminology training process] // Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija [Indo-European linguistics and classical Philology]. 2016. T. 2. S. 1143–1161.
- [16] Poliakoff M.B. Combat sports in the ancient world: competition, violence and culture. New Haven and London: Yale University Press, 1987.

OLYMPIC GAMES IN THE «PICTURES» OF FILOSTRATOS

T.B. Gvozdeva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

In this article, the author proposes to consider how the theme of the Olympic games and Olympia as the center of Greek athletic sports was reflected in such unique monuments of ancient literature as a «Picture» of Philostratus the Elder and philostratus the Younger. They Olympia as the best place in Greece, but the Olympics are the best there is in Olympia. In the «Paintings» both Filostrato often referred to certain types of Greek athletics. Special attention is paid to them in equestrian competitions (ristani chariot and horse races) and martial arts (wrestling, pankration, pankration), rarely mentions the race and the pentathlon. Meet at the «Pictures» and the elements of the organization of the Olympic games, a sacred truce (ekecheiria), Olympic judge (hellanodikis), award of the Olympic wreaths, and also in the «Pictures» referred to the sports facilities of Olympia (the Hippodrome, arena, skamma, palestra).

Key words: Philostratus the Elder, philostratus the Younger, Olympia, Olympic games, Pelops, Oenomaus, ekecheria, hellanodic, the Olympic wreath, medalist, pankration, chariot

Об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-122-131

ДИПЛОМАТИЯ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ В РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (2014–2016 гг.)

Халаф Саад Сайед Ибрахим

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности развития Арабской Республики Египет после сложных политических и социальных событий 2011 г., так называемой «арабской весны». Начало правления Президента АРЕ Абдель Фаттаха Аль-Сиси можно охарактеризовать как новый этап развития Египта и его внешнеполитического курса, в котором важная роль отводится интенсификации российско-египетских отношений. Так, первым международным визитом Абдель Фаттаха Аль-Сиси за пределы арабского мира в качестве президента Египта стала Россия. Взаимная заинтересованность России и Египта отражается в частоте встреч между главами двух государств, способствующих достижению стратегических договоренностей, а также укреплению двустороннего сотрудничества, в частности по созданию российской промышленной зоны на территории Египта, строительству атомной электростанции, расширению сотрудничества в военно-технической сфере. Автор устанавливает характерные черты дипломатии на высоком и высшем уровне в российско-египетских отношениях, систематизирует знаковые встречи первых лиц государств в контексте с их внешнеполитическими приоритетами. Интенсивность контактов Президентов РФ и Египта, а также достигнутые на них договоренности формируют базу для укрепления и развития взаимовыгодного сотрудничества между двумя государствами.

Ключевые слова: Арабский Восток, Аль-Сиси, Ближний Восток, дипломатия, Египет, двусторонние отношения, переговоры, Президент Путин

Введение. В условиях ускоренной динамики процессов глобализации и роста взаимозависимости между государствами современного мира дипломатия на высшем уровне становится более интенсивной и приобретает большую значимость. Международные акторы стремятся использовать ее преимущества, дающие возможность обсуждать широкий круг межгосударственных вопросов во взаимосвязи, что не всегда представляется возможным при переговорах на других уровнях. Важным фактором при проведении саммитов в верхах является возможность принципиального и оперативного решения проблем двустороннего сотрудничества, но еще немаловажно то, что подобные

встречи предоставляют возможность из первых уст получать необходимую информацию, обмениваться мнениями и достигать важных договоренностей. Кроме того, эти договоренности, подписанные высшими должностными лицами государств, дают дополнительные гарантии выполнения двусторонних договоров и соглашений. Но вместе с тем имеется и ограничительный момент дипломатии на высшем уровне, поскольку она определяется не только личными симпатиями, но и антипатиями, которые не могут не влиять на принятие внешнеполитических решений.

Методы и материалы. В статье применен исторический метод, который позволил расположить события в соответствии с фактами и реалиями настоящего времени. Системный и сравнительный методы позволили определить закономерности российско-египетских отношений, а также выявить общие и отличительные моменты во взаимодействии двух сторон. При написании статьи источниками послужили материалы, выступления и протоколы встреч Президента РФ В. Путина и Президента АРЕ Абдель Фаттаха Аль-Сиси, представленных на официальных правительственных интернет-ресурсах, а также материалы периодической печати, освящающие текущие события.

Исследование проблемы. Египет, без всякого сомнения, является государством, которое обладает весьма высокой степенью влияния на ближневосточную региональную систему. Государством, которое одно из первых среди арабских государств получило независимость и обозначило принципы арабского единства, придавая этому в своей политике в арабском мире приоритетное значение. Египет, заинтересованный в комплексном решении поставленных задач, расширяет свои внешнеполитические связи, призванные помочь урегулировать проблемы, связанные со стабильностью, безопасностью и развитием не только своей страны, но и всего Арабского Востока в целом, видя в такой политике важное условие для обеспечения своего лидерства в международных отношениях в регионе [1. С. 3–4].

Когда определяют роль и место Египта в региональной системе международных отношений на Арабском Востоке, придают значение характеру взаимоотношений АРЕ с ведущими мировыми и региональными державами. Внешние политические шаги Египта в последней четверти XX в., в том числе и особые отношения с США, курс на развитие торгово-экономических связей с Европой, подписание мирного договора и установление дипломатических отношений с Израилем [2] позволили ему быть проводником взаимных интересов между арабскими странами и Западом. Египет – страна, вес которой в системе международных отношений в арабском мире является и остается внушительным, он настойчиво продолжает стремиться играть роль активного посредника в процессе ближневосточного урегулирования, который включает в себя не только решение палестино-израильского конфликта, но и снятие напряженности в отношениях между Израилем и многими арабскими странами [3]. АРЕ участвует практически во всех мирных инициативах, направленных на его урегулирование. Страны Ближнего Востока, а также Запада,

в свою очередь также заинтересованы в том, чтобы в Египте царили мир и спокойствие, поскольку Египет является посредником между арабским миром и Западом, особенно в том, что касается насущных политических вопросов арабского сообщества [18, с. 75]. Международный авторитет Египта укрепляют ведущие западные державы и Российская Федерация.

Дипломатия на высоком и высшем уровне играет ключевую роль в российско-египетских отношениях на современном этапе, о чем свидетельствует хроника контактов на уровне первых лиц двух государств за последнее время [4]. 13 февраля 2014 г. с официальным визитом в Россию прибыл фельдмаршал Абдель Фаттах Аль-Сиси для участия во встрече формата «два плюс два» министров обороны и иностранных дел Египта и РФ. В ходе этого визита состоялась его первая встреча с Президентом РФ Владимиром Путиным в Ново-Огарево, где В.В. Путин пожелал Абдель Фаттаху Аль-Сиси успеха на предстоящих президентских выборах в Египте. Откровенный сигнал в готовности оказать поддержку Аль-Сиси в своих пока еще официально не объявленных намерениях баллотироваться на пост президента крупнейшей арабской страны прозвучал из уст российского Президента, который прямо сказал: «Я знаю, что вы, уважаемый господин министр обороны, приняли решение баллотироваться на должность президента Египта». При этом, исходя из понимания того, что стабильность на Ближнем Востоке и Северной Африке зависит в немалую степени от Египта, Путин добавил: «Думаю, что вам удастся мобилизовать своих сторонников и наладить взаимодействие со всеми частями египетского общества» [16].

Аль-Сиси в свою очередь во время встречи с Президентом России напомнил, что «террористические проявления в Египте и других странах угрожают безопасности не только нашей страны, но и всего Ближневосточного региона». Он также подчеркнул, что угрозы терроризма несут в себе опасные последствия, обращая внимание на происходящие события на ливийской и сирийской арене, а также внутри самого Египта. Аль-Сиси также добавил, что главная сила, которая противодействует экстремизму, – это египетская армия, которая, по его утверждению, «является в подлинном смысле слова народной армией, ей по силам справиться с этой задачей».

Стоит отметить, что визит египетских министров обороны и иностранных дел в Россию в феврале 2014 г. являлся ответом на визит их российских коллег в Каир 14 ноября 2013 г. Визит состоялся на фоне похолодания в стратегических партнерских отношениях между Вашингтоном и Каиром ввиду заявлений официальных властей США, сразу же после событий 3 июля 2013 г. в Египте, о перенастройке своих военных связей с Каиром, а также о принятии решения приостановить поставки некоторых видов вооружений и сократить финансовую помощь, оказываемую США Египту на протяжении уже более 30 лет [5]. При этом главным результатом первых переговоров в формате «2+2» между сторонами стала договоренность о формировании полноценной юридической основы военно-технического сотрудничества двух стран.

Еще очень важным моментом упомянутого визита являлось заявление высоких руководителей АРЕ и РФ о полном совпадении позиции двух стран по самому главному вопросу ближневосточной повестки – сирийскому конфликту [6]. В этом заявлении проявился контраст позиции нового руководства Египта с заявлениями смещенного Президента Мохаммеда Мурси, который открыто выступал в поддержку сирийской революции, более того, незадолго до своего свержения он решил разорвать дипотношения с Сирией, что противоречило официальной позиции Москвы.

После данного визита многие политологи в Египте [7] предполагали, что победа Аль-Сиси на выборах президента республики даст отношениям между Арабской Республикой Египет и Российской Федерацией дополнительный импульс. В Египте заговорили о том, что в этом случае двусторонние отношения с Россией вернутся к уровню 50-х–60-х гг. прошлого столетия с СССР. Российские аналитики в своих оценках относительно будущего двусторонних отношений в случае прихода Аль-Сиси к власти в Египте прогнозировали увеличение их динамики, однако при этом они констатировали, что не стоит ожидать полной переориентации Каира в сторону Москвы, ссылаясь на то, что большая часть египетских офицеров и высоких чинов армии, в том числе и сам Аль-Сиси, по установленной практике еще при Президенте А. Садате получали военное образование в США. Важно также отметить, что данный визит ознаменовался появлением в СМИ и сообщений о заключении между двумя странами контрактов на поставку военной техники и оружия, стоимость которых оценивалась примерно в 2 млрд долларов [8].

После свержения Хосни Мубарака (1) Египет испытывал значительные проблемы, связанные с противостоянием различных социально-политических сил, поскольку разобщенность и враждебность между ними в этот период были особенно интенсивными. Отсутствие антикризисного механизма, многопартийности и харизматических лидеров, которые бы являлись ясными и авторитетными как в политических кругах, так и были бы понятными для масс, также сыграло свою роль в событиях «арабской весны» 2011 г., в основе которых как социальные факторы – неспособность власти предоставить достаточное для растущего населения количество рабочих мест, и как следствие увеличение уровня бедности [9. С. 12–13], так и протесты демократических слоев населения против политического и экономического застоя. На этом фоне в 2011 г. партия «Братья-мусульмане» (2) выделялась в противовес действующей армии как одна из сильнейших и влиятельных в египетском обществе [10]. Но ассоциации не удалось найти оперативные решения социальных проблем страны или заключить политические союзы с другими игроками внутри страны. Вместо этого функционеры организации пытались устанавливать контроль над средствами массовой информации, были приняты решения о назначении губернаторов, которые были ранее связаны с радикальной группировкой Аль-Джамаа аль-Исламия, кроме того, обязали армию представить

доклады о расходах и развязали конфликт с монархиями Персидского залива, в первую очередь с Саудовской Аравией и ОАЭ.

Аль-Сиси с самого начала своего правления позиционировал себя как преемник Г.А. Насера (3), который фактически создал современный Египет и вывел страну в лидеры арабского мира. Г.А. Насер являлся активным сторонником арабского единства и много делал для объединения двух десятков арабских государств в федерацию. Он являлся приверженцем арабского социализма и антиимпериалистом, а на посту президента старался выводить отношения Египта и СССР на новый уровень, особенно после того, как США на время заморозили военную помощь Египту. После прихода к власти Аль-Сиси США осудили действия египетских военных [11], считая легитимным главой Египта отстраненного от власти М. Мурси.

С самого начала Президент Аль-Сиси знал, что не получится наладить отношения на выгодных для Каира условиях с США. Он предпочел сближение с Россией, оказывающей поддержку в его действиях во внутренней политике, и особенно в борьбе с терроризмом. Россия в свою очередь оказала полную поддержку Аль-Сиси в понимании проводимой им внутренней политики и постаралась улучшить двусторонние отношения, став первой страной за пределами Арабского мира, которую Аль-Сиси посетил в качестве президента Египта [12].

12 августа 2014 г. состоялись переговоры Президентов России и Египта в г. Сочи. На этих переговорах стороны договорились развивать двустороннее сотрудничество в сфере сельского хозяйства, что удовлетворяет интересам Москвы и Каира – помочь России в преодолении негативных последствий эмбарго на поставки сельхозпродукции из государств Европы и Северной Америки, введенного в результате украинского кризиса. Египту же это должно было помочь в решении насущных экономических проблем и способствовать выходу из кризиса. Руководство Египта выразило готовность увеличить поставки сельхозпродукции, которая является основным составляющим импорта в Россию на 30%, в то время как Россия остается крупнейшим поставщиком зерна для Египта. Так, на долю российских экспортеров пшеницы приходят порядка 40% его потребления в Египте [13]. При этом российское руководство выразило готовность предоставить преференционный упрощенный режим допуска египетских товаров на российский рынок, для осуществления которого на переговорах поднимался вопрос создания египетского логистического центра на Черноморском побережье России по аналогии с турецким. Речь шла о том, чтобы увеличить объем поставок ряда сельхозпродуктов из Египта, с тем чтобы на 40–50% компенсировать возможный дефицит этих товаров из-за введенного Москвой эмбарго. В этом ключе Президенты также условились увеличить в 2 раза объем торгового оборота, который составлял на тот момент примерно 3 млрд долларов.

Очень важное заявление в этом контексте сделал российский Президент, в котором речь шла об идущих переговорах по заключению соглашения

о зоне свободной торговли между Египтом и ЕЭС. Так, по итогам встречи В.В. Путин отметил: «Достигнута важная договоренность о налаживании взаимодействия между Египтом и Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана. Сейчас мы изучаем возможность создания зоны свободной торговли» [17].

Вместе с тем два направления сотрудничества, по которым лидеры двух стран достигли договоренности, можно назвать стратегическими – это расширение военно-технического сотрудничества и создание российской промышленной зоны в Египте, которая должна стать частью грандиозного проекта нового Суэцкого канала.

В повестке международных и региональных вопросов на переговорах руководители двух государств констатировали совпадение позиций сторон по многим региональным проблемам, в первую очередь это арабо-израильское урегулирование, в частности на фоне событий, происходивших на тот момент в секторе Газа, где оба Президента призывали к прекращению насилия, во вторых, позиции сторон на переговорах были почти идентичными по событиям в Сирии и в Ираке.

9 февраля 2015 г. Президент РФ Владимир Путин прибыл в Египет с двухдневным официальным визитом. В Каире президента дружественной Российской Федерации встретили эскортом истребителей и приняли с особыми почестями. Это второй визит В. Путина в качестве Президента Российской Федерации на египетскую землю, и многие аналитики назвали его поворотным в отношениях двух стран. В ходе встречи 10 февраля во дворце «Аль-куба» в Каире. Президенты детально обсудили сложную ситуацию в мире, и в частности ближневосточном регионе, где особое внимание было уделено вопросу урегулирования сирийского конфликта и борьбе с терроризмом.

По результатам переговоров были достигнуты принципиальные для двусторонних связей договоренности. Подписаны несколько важных документов, таких как меморандум о взаимопонимании в сфере привлечения инвестиций и участия российских компаний в строительстве объектов на территории АРЕ, соглашение о развитии проекта по строительству АЭС на территории АРЕ с использованием именно российских ядерных технологий, а также меморандум о взаимопонимании развитии инвестиционного сотрудничества.

Встреча двух Президентов показала, что, несмотря на происходящие в Египте потрясения, Россия поддерживает Президента Аль-Сиси, заинтересована в двусторонних отношениях и готова их развивать. Визит В.В. Путина в Каир доказал что Россия остается сильным и влиятельным партнером, а Египет отвечает ему своим доверием [14].

Следующая встреча двух Президентов состоялась уже летом 2015 г. и была посвящена вопросам борьбы с терроризмом и палестино-израильского урегулирования. На ней Президент Египта Аль-Сиси отметил особый характер отношений между Россией и Египтом и подчеркнул, что «египетский народ при каждой нашей встрече с вами с надеждой смотрит на перспекти-

вы развития наших отношений в различных областях, не только в экономической, но и в сфере борьбы с терроризмом, особенно в том регионе, который сотрясается большими проблемами терроризма и экстремизма» [15].

Заключение. Подводя итоги, важно отметить, что стабильность является главной чертой российско-египетских отношений, а диалоги между Президентами опираются на объективность и взаимопонимание по различным региональным проблемам, что является своего рода гарантом развития двустороннего сотрудничества между странами. В этой связи российско-египетские отношения выходят на качественно новый уровень и имеют тенденцию к дальнейшему росту в широкой сфере областей, а также в развитии взаимовыгодных проектов, таких как модернизация крупных промышленных объектов, строительство атомной электростанции в северном Египте, создание особой промышленной зоны для производства на территории Египта продукции российского сельхозмашиностроения для стран Ближнего Востока и Северной Африки и др. На настоящем этапе Президент Египта Абдель Фаттах Аль-Сиси прилагает максимум усилий для обеспечения развития всестороннего сотрудничества между Египтом и Россией и, что важно, Президент РФ В. Путин разделяет его стремления.

© Халаф Саад С.И., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Президент Египта в 1981–2011 гг.
- (2) «Братья-мусульмане» – международная религиозно-политическая ассоциация.
- (3) Президент Египта в 1954–1970 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Al Jazeera Centre for Studies. 02.2009. С. 3–4 // Д-р Норхан Эль-Шейх. Арабо-Российское партнерство между прошлым и будущим (Исследовательский центр Аль-Джазира). 02.2009. С. 3–4.
- [2] Dan Eldar. Egypt and Israel: A Reversible Peace, *Middle East Quarterly*. 2003. P. 57–65. URL: <http://www.meforum.org/565/egypt-and-israel-a-reversible-peace>.
- [3] Robert W. Kasten Jr. Egypt's Role Remains Vital To Middle East Peace Process, *the Christian Science Monitor*. October 14, 1993. URL: <http://www.csmonitor.com/1993/1014/14183.html>.
- [4] Omar Said. Egypt and Russia: Walking a tightrope of diplomacy, MADA, Egypt-based media organization. September 1, 2015. URL: <https://www.madamasr.com/en/2015/09/01/feature/politics/egypt-and-russia-walking-a-tightrope-of-diplomacy>.
- [5] Col. (ret.) Dr. Jacques Neriah. Egypt's Turn to Russia, *Jerusalem Center for Public Affairs*. Oct 30, 2013. URL: <http://jcpa.org/egypts-turn-to-russia>.

- [6] Официальный сайт Министерства Иностранных дел РФ // Совместное заявление по итогам российско-египетской встречи в формате «2+2», Москва, 12–13 февраля 2014 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02-Bw/content/id/76678.
- [7] Arab Centre for Research & Studies. 07.09.2015. Ибрахим Миншави – Аспекты и проблемы египетско-российских отношений: новый качественный поворот (Арабский центр исследований и разработок). URL: <http://www.acrseg.org/39349>.
- [8] Военно-политический журнал Interpolit, Россия и Египет подписали многомиллиардный оружейный контракт. 10.02.2014. URL: http://interpolit.ru/blog/egipet_i_rf_podpisali_mnogomilliardnyj_oruzhejnyj_kontrakt/2014-02-10-358.
- [9] Trade, Investment, and Development in the Middle East and North Africa. Engaging with the World // World Bank Publications. 2003. С. 12–13.
- [10] Eric Trager. Tensions Grow between Egypt's Military Leaders and the Muslim Brotherhood, The Washington Institute. November 8, 2011. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/tensions-grow-between-egypts-military-leaders-and-the-muslim-brotherhood>.
- [11] Мозговая Н., Васильев В. Кризис в Египте: что дальше? // Голос Америки. 15.08.2013. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/vv-egypt/1730652.html>.
- [12] Долгов Б. Россия-Египет: взлет стратегического сотрудничества. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2014/08/17/rossia-egipet-vzlet-strategicheskogo-sotrudnichestva-29024.html>.
- [13] Российская газета. Ведомости № 4094 от 14.06.2016, «Россия продала урожай».
- [14] Ephraim Kam, Zvi Magen. President Putin Visits Egypt, INSS Insight. No. 665. February 22, 2015. URL: <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=8814>.
- [15] Официальный сайт президента РФ // Начало встречи с Президентом Арабской Республики Египет Абдель Фаттах Аль-Сиси. 26.08.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/50182>.
- [16] Официальный сайт Президента России // Встреча с главами Минобороны и МИД Египта. 13.02.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20222>.
- [17] Официальный сайт Президента России // Заявления для прессы по итогам российско-египетских переговоров. 12.08.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/379/events/46441>.
- [18] Савичева Е.М., Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник РУДН: серия Международные отношения. 2014. № 2. С. 75.

REFERENCES

- [1] Al Jazeera Centre for Studies, 02.2009, p. 3–4. D-r Norkhan El'-Sheykh – Arabo-Rossiyskoe partnerstvo mezhdru proshlym i budushchim (Issledovatel'skiy tsentr Al'-Dzhazira) 02.2009, pp. 3–4.
- [2] Dan Eldar, Egypt and Israel: A Reversible Peace, Middle East Quarterly, 2003, pp. 57–65. URL: <http://www.meforum.org/565/egypt-and-israel-a-reversible-peace>.

- [3] Robert W. Kasten Jr, Egypt's Role Remains Vital To Middle East Peace Process, the Christian Science Monitor, October 14, 1993. URL: <http://www.csmonitor.com/1993/1014/14183.html>.
- [4] Omar Said, Egypt and Russia: Walking a tightrope of diplomacy, MADA, Egypt-based media organization, September 1, 2015. URL: <https://www.madamasr.com/en/2015/09/01/feature/politics/egypt-and-russia-walking-a-tightrope-of-diplomacy>.
- [5] Col. (ret.) Dr. Jacques Neriah, Egypt's Turn to Russia, Jerusalem Center for Public Affairs, Oct 30, 2013. URL: <http://jcpa.org/egypts-turn-to-russia>.
- [6] Ofitsial'nyy sayt Ministerstva Inostrannykh del RF. Sovmestnoe zayavlenie po itogam rossiysko-egipetskooy vstrechi v formate «2+2», Moscow, 12-13.02. 2014. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/76678.
- [7] Arab Centre for Research & Studies, 07.09.2015.
- [8] Ibrakhim Minshavi, Aspekty i problemy egipetsko-rossiyskikh otnosheniy: novyy kachestvennyy povorot (Arabskiy tsentr issledovaniy i razrabotok). URL: <http://www.acrseg.org/39349>.
- [9] Voenno-politicheskiy zhurnal Interpolit, Rossiya i Egipet podpisali mnogomilliardnyy oruzheynyy kontrakt, 10.02.2014. URL: http://interpolit.ru/blog/egipet_i_rf_podpisali_mnogomilliardnyj_oruzhejnyj_kontrakt/2014-02-10-358.
- [10] Trade, Investment, and Development in the Middle East and North Africa. Engaging with the World // World Bank Publications, 2003. p. 12–13.
- [11] Eric Trager, Tensions Grow between Egypt's Military Leaders and the Muslim Brotherhood, The Washington Institute, November 8, 2011. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/tensions-grow-between-egypts-military-leaders-and-the-muslim-brotherhood>.
- [12] Mozgovaya N., Vasil'ev V., Krizis v Egipte: chto dal'she? Golos Ameriki, 15.08.2013. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/vv-egypt/1730652.html>.
- [13] Dolgov B., Rossiya-Egipet: vzlet strategicheskogo sotrudnichestva. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2014/08/17/rossia-egipet-vzlet-strategicheskogo-sotrudnichestva-29024.html>.
- [14] Rossiyskaya gazeta. Vedomosti № 4094 ot 14.06.2016 , «Rossiya prodala urozhay».
- [15] Ephraim Kam, Zvi Magen, President Putin Visits Egypt, INSS Insight No. 665, February 22, 2015. URL: <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=8814>.
- [16] Ofitsial'nyy sayt prezidenta RF // Nachalo vstrechi s Prezidentom Arabskoy Respubliki Egipet Abdel' Fattakh Al'-Sisi, 26.08.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/50182>.
- [17] Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii. Vstrecha s glavami Minoborony i MID Egipta, 13.02.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20222>.
- [18] Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiysko-egipetskikh peregovorov, 12.08.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/379/events/46441>.
- [19] Savicheva E.M., Turekulova Zh.E., Rol' Suetskogo kanala v kontekste obespecheniya regional'noy bezopasnosti na Blizhnem Vostoke // Vestnik RUDN: seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, № 2, p. 75.

**DIPLOMACY AT THE HIGHEST LEVEL
AND ITS EFFECT ON THE RUSSIAN-EGYPTIAN RELATIONS
(2014–2016)**

S.S.I. Khalaf

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article discusses the main features of the development of the Arab Republic of Egypt policies, after the difficult political and social circumstances that was associated with what so-called “Arab Spring” (25th of January Revolution in Egyptian literature). Starting from the date of inauguration of President Abdel Fattah Egypt’s Al-Sisi, we can talk about a new stage in the Egyptian foreign policy priorities that can be characterized by the diversification of allies including strengthening the relations with the Russian Federation in different fields as a strategic priority. Russia was the first destination to President Abdelfattah Al-Sisi to a foreign country rather than the Arab world. The mutual interest of Russia and Egypt is reflected in the frequency of meetings between the two heads of state (4 Summit Meetings in 13 months), contributing to strengthening of bilateral cooperation in different fields, in particular the establishment of a Russian industrial zone in Egypt, the construction of a nuclear power plant, expansion of cooperation in the military-technical sphere. The author establishes the characteristics of diplomacy at the high and the highest level (Summit) in the Russian-Egyptian relations, and analyzes the outcomes of those meetings that reflect the foreign policy priorities of the two friendly countries in the way that serves the interests of the Arab Republic of Egypt as a regional power in the Middle and the interests of the Russian Federation as a global power.

Key words: Arab Countries, Al-Sisi, President Putin, Middle East, Diplomacy, Egypt, Russia, Bilateral Relations, Negotiation

Об авторе:

Халаф Саад Сайед Ибрахим (Египет) – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов

E-mail: saadsayed@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-132-138

ИСПАНСКИЕ ЭМИГРАНТЫ И ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х – НАЧАЛО 1940-Х ГГ.)

А.А. Арутюнов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье изучается получение советского гражданства испанскими эмигрантами, прибывшими в Советский Союз в ходе и по окончании Гражданской войны 1936–1939 гг., закончившейся поражением республиканцев. В статье рассматриваются статусы перед обретением гражданства согласно законодательству СССР и особенности самого процесса принятия советского гражданства, осложненного рядом факторов. Среди подобных факторов автор выделяет причины возрастного («испанские дети»), личного (в случае испанских летчиков, прибывших из французских концлагерей или оставшихся на территории СССР по окончании обучения в Кировабадской летной школе) и внешнего (влияние испанской компартии, советская бюрократия) характера. В этой связи также косвенно ставится вопрос соответствия гражданства, принимаемого испанцами, основному закону, регулировавшему права и обязанности советских граждан – Конституции СССР 1936 г.

Ключевые слова: гражданство, лицо без гражданства, вид на жительство, политэмигранты, «испанские дети», ИКП, Великая Отечественная война

Введение. Краеугольным камнем взаимоотношений между индивидуумом и обществом в правовом государстве является вопрос гражданства. Известно, что гражданином признается физическое лицо, которое владеет определенным гражданским статусом, т.е. совокупностью обстоятельств фактического порядка. Составными элементами, создающими гражданский статус, среди прочих являются образование, специальность, квалификация, занятость и, разумеется, само гражданство.

Уровень правовой защищенности индивида играет весьма важную роль, безусловно, и в адаптационных процессах, связанных с феноменом эмиграции. Социально-правовые и социально-экономические аспекты позволяют в определенной степени выявить некоторые общие тенденции относительно процессов адаптации эмиграционной волны в целом. Возможность пользоваться теми же правами, что и жители коренного населения, или получение каких-либо льгот и привилегий при сохранении статуса «иностранца», «беженца» –

все это позволяет на социально-психологическом уровне помочь непосредственно целой общности людей, по тем или иным причинам вынужденной оказаться в положении эмигрантов. В этой связи именно вопрос о гражданстве испанских эмигрантов сыграл ключевую роль в различных аспектах, обусловивших деятельность испанцев в рамках социальной, экономической, политической жизни СССР вообще и испанской эмиграции в частности.

Исследование проблемы. Уже в середине 1930-х гг. в высших эшелонах власти начинает наблюдаться стремление к тому, чтобы повлиять на решение политических эмигрантов из разных стран о принятии советского гражданства. В письме зам. председателя ЦК МОПР СССР Шевелевой в Одессу от 2 июля 1935 г. говорится: «Как правило, все без исключения политэмигранты должны принимать советское гражданство. В необходимости принятия советского гражданства Вы их должны убеждать, а, понятно, не принуждать... Только в самых исключительных случаях, и то с санкции Центрального комитета МОПР, можно допускать иностранное гражданство, но при этом оформляя виды на жительство...» [1]. Российский исследователь-архивист А.В. Елпатьевский связывает такое настроение с тем, что в СССР вера в «пожар мировой революции» постепенно угасала [2. С. 18]. Однако нельзя забывать, что испанцы с самого начала стояли особняком в ряду политических эмигрантов по той причине, что Испания играла слишком большую потенциальную роль во внешней политике И.В. Сталина.

Согласно Закону «О гражданстве СССР» 16 августа 1938 г. в советском законодательстве появляется термин «лица без гражданства». Под данную формулировку попадали «лица, проживающие на территории СССР, не являющиеся в силу настоящего Закона гражданами СССР и не имеющие доказательств своей принадлежности к иностранному гражданству, считаются лицами без гражданства» [3. С. 64].

Литература и источники ясно дают понять, что на момент своего прибытия в СССР испанские эмигранты считались именно «лицами без гражданства». И если с «испанскими детьми» дело обстоит понятным образом (по воспоминаниям одного из них, Вирхилио Льяноса, их вывозили из Испании вообще без каких-либо документов [4. С.53]), то причины того, что взрослые эмигранты не могли доказать свое испанское гражданство, остаются не ясными. Так или иначе, изначально всем совершеннолетним иностранцам (и испанцам в том числе) в СССР в 30-е гг. выдавался особый документ с обложкой желтого цвета – удостоверение лица без гражданства, которое непосредственно испанцы в шутку называли «шпионским паспортом» [5. Р. 105]. Такая мера позволяла лишь вести учет политэмигрантов, но никак не влияла на их жизнь и «обретение себя» в Советском Союзе.

Первые месяцы взрослые испанские эмигранты провели в домах отдыха и, если здоровье некоторых из них нуждалось в лечении, – в санаториях, так как определенная их часть была интернирована из французских концлагерей под открытым небом. Но постепенно нужно было начинать трудовую деятель-

ность. К этому моменту политэмигрантам из Испании оформляли вид на жительство сроком на три месяца [6]. Такой документ действительно давал право на трудовую деятельность на территории другого государства. При этом, возможно, в 1937–1938 гг., когда у советского правительства еще сохранялась надежда на то, что Республика отобьет удары армии Франко и сможет выстоять, трехмесячный документ воспринимался именно как мера временного пребывания испанцев в СССР. По крайней мере, судя по архивным документам, постоянное продление вида на жительство вплоть до 1939 г. было вполне обычной практикой [7].

Предоставление испанцам вида на жительство сопровождалось многочисленными бюрократическими нарушениями. Так, председатель ЦК МОПР М.А. Богданов в письме т. Смородинскому сообщает о том, что в Харькове с испанцев требовали государственный сбор в размере 5 рублей при оформлении вида на жительство, в связи с чем он просит «дать распоряжение о прекращении взимания этих сборов, поскольку эти политэмигранты еще не устроены на работу и находятся на нашем иждивении» [8]. Кроме того, видимо, частыми были случаи отказа во временной прописке (регистрации) при отсутствии у политэмигрантов национального паспорта, в то время как по правилам данный документ не требовался [7].

Принятие же советского гражданства взрослыми эмигрантами из Испании так и не стало массовым явлением. Причины, видимо, банальны – отсутствие желания и причин, требовавших смены гражданства. Для взрослой эмиграции отправка в Советский Союз казалась временной мерой: все – и политические деятели, и бойцы Республиканской армии – в один миг были готовы снова вступить в открытый бой с врагом. Бывали, конечно, и исключения – в одном из фондов ЦК МОПР хранится документ, адресованный капитану советского парохода «Смольный»: «Консульский отдел постпредства СССР во Франции просит принять на вверенный Вам пароход для проезда до Союза советских граждан: Франциско Вега Санчес, Хесус Саес Барбера, Хозе Бовандия Эрнандес, Енрике Фабрегас Карнона, Перегрин Перес Галаса» [9]. Несколько человек из курсантов Кировабадской летной школы тоже приняли советское гражданство [10].

Вопрос гражданства «испанских детей» оказался весьма противоречивым в своем разрешении. Дело в том, что находящееся в эмиграции баскское правительство, начиная с 1938 г., стало выражать свое беспокойство относительно будущего своих католических сынов и дочерей в атеистической стране. Президент Хосе Антонио Агирре послал личное письмо Сталину, в котором просил позволить детям вернуться, если такую волю проявят их родители. Ответа не последовало, а вскоре кто-то из чиновников выдвинул идею об автоматическом предоставлении советского гражданства всем, кто достиг шестнадцатилетнего возраста. Таким образом, они становились субъектами закона, согласно которому советским гражданам было запрещено покидать Союз.

В то же время вопрос о принятии советского гражданства практически не поддавался оспариванию внутри самой испанской детской эмиграции. Причиной тому было, во-первых, сильнейшее влияние извне: сама Испанская Коммунистическая партия настойчиво советовала юным испанцам принимать советское гражданство. Наиболее ярким доказательством этому является сообщение, направленное испанским товарищам из ИКП в Москве, в тексте которого указывается, что во время встречи представителей ИКП с детьми в одном из испанских детских домов была выполнена задача «объяснить испанским детям значение принятия советского гражданства» [5. Р. 106]. Во-вторых, после поражения Второй Республики в Гражданской войне возвращение «испанских детей» на историческую родину откладывалось на неопределенный срок. Стоявшие на пороге взрослой, самостоятельной жизни и вынужденные принимать решения, от которых напрямую зависело их будущее, они не могли не понимать, что в данный конкретный момент советское гражданство давало куда более ясные и четкие перспективы, чем тот же вид на жительство, в образовании, дальнейшем трудоустройстве и т.д. Таким образом, подавляющее большинство «испанских детей» стали советскими гражданами. В их паспортах в графе «гражданство» указывалось «советское», а в национальности – «испанец».

Несмотря на полноценное принятие советского гражданства, молодым испанцам отказывали в исполнении одной из немногих обязанностей гражданина любой страны – несении военной службы, что было особенно острым вопросом накануне и в начале Великой Отечественной войны. Касалось это той части «испанских детей», которым в 1941–1942 гг. исполнялось по 16 лет. Они не смогли получить паспорта по причине полной неразберихи в плане документации в условиях военного времени (Вирхилио Льянос вспоминал, что накануне боевых действий передавали свои заявления на получение советского паспорта руководству своего детдома в Ленинграде, который в первые месяцы войны уже был расформирован [4. С. 55]).

Что касается взрослых испанцев, то малая численность среди них полноценных граждан СССР по указанным выше причинам привела к тому, что непосредственно перед войной они в большинстве своем не подходили под воинскую обязанность и попросту не значились в списках военной комендатуры. При этом испанцы, давно затаившие злобу на фашистов и соответственно желавшие принимать прямое участие в боевых действиях, вполне искренне и простодушно обижались, наивно полагая, что русские просто не хотят брать испанцев на войну. Очевидно, что всеми правдами и неправдами испанцы разных возрастов в итоге оказывались на фронте. Но единственным «законным» исключением были те, кому удалось записаться в созданную летом 1941 г. отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) под командованием полковника М.Ф. Орлова, в ряды которой вступили 125 эмигрантов из Испании [11. С. 28]. Формально они подчинялись НКВД,

а не военным структурам, и это давало определенной части советских испанцев возможность удовлетворить свою главную моральную потребность того времени.

Заключение. Исследование испанской эмиграции с точки зрения определения гражданского статуса дает понять, что решение этого вопроса не было однородным. Прибывшие на территорию СССР в качестве «лиц без гражданства» и получавшие соответствующие документы, испанские эмигранты встраивались в систему советского государства как в систему любого общества: дети должны были учиться, взрослые – работать, для чего последним оформлялся вид на жительство в СССР. Многие изменило начало Великой Отечественной войны. Стало ясно, что «испанские дети» в России остаются надолго, вследствие чего среднее специальное и высшее образование, не терпевшие отлагательств ввиду возраста, им, по-видимому, необходимо будет получать в СССР. Если начальную и среднюю школу возможно было окончить в пределах «испанских детских домов», когда классы состояли только из «детей войны» и обучались по собственной программе, то учеба в ФЗУ, техникумах и вузах могла осуществляться лишь на общих основаниях. Единственная возможность реализоваться, не затормозиться в развитии, состояться как личность в таких нелегких условиях заключалась в обязательном принятии советского гражданства, что и было сделано подавляющим большинством «испанских детей». Взрослые же испанцы рассматривали свое нахождение в СССР как стечение обстоятельств и временную меру, вследствие чего советское гражданство им попросту не было нужно. В итоге это создало для них определенные проблемы – учитывая, что были в любой момент готовы вступить в борьбу с врагом, что и показало начало войны. Однако несмотря на то, что причины, главным образом, были связаны с нежеланием самих взрослых испанцев принимать советское гражданство, необходимо отдать должное советскому руководству. Ведь даже принявших гражданство испанцев старались избавить от несения воинской службы в РККА в годы Великой Отечественной войны – с той долей надежды, что когда-нибудь им посчастливится вернуться домой и заняться строительством новой Испании.

© Арутюнов А.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Письмо зам. председателя ЦК МОПР СССР Шевелевой в Одессу от 2 июля 1935 г. ГАРФ. Ф. 8265. Оп. 3. Д. 35. Л. 175.
- [2] Елпатьевский А.В. Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытка интерпретации. М.–Тверь: ГЕРС, 2002. 203 с.

- [3] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., ГИЮЛ, 1956. 531 с.
- [4] De los Llanos Mas V.V. Ty pomnish', tovarisch..? М.: URSS, 2008. 269 s.
- [5] Limonero I.C. Dos paises, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.
- [6] Письмо в отдел виз и регистраций ГУРКМ НКВД тов. Белоногову от зам. пред. ИК МОПР Стасовой. 28 июля 1937 г. ГАРФ. Ф. 8265. Оп. 4. Д. 66. Л. 73.
- [7] Протокол № 3 заседания комиссии по определению на работу политэмигрантов Испании и Чехословакии от 25 июня 1939 г. Приказ № 353 Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. ГАРФ. Ф. 8265. Оп. 4. Д. 82. Л. 12.
- [8] Письмо зам. пред. ИК МОПР Богданова тов. Смородинскому. 27 июля 1939 г. ГАРФ. Ф. 8265. Оп. 4. Д. 82. Л. 30.
- [9] Письмо капитану советского парохода «Смольный» от зав. консульским отделом ЦК МОПР Авалова. 6 апреля 1939. ГАРФ. Ф. 8265. Оп. 4. Д. 77. Л. 10.
- [10] Jung C.C. Los últimos aviadores de la República. La cuarta expedición a Kirovabad. Madrid: Ollero y Ramos editores, 2010. 395 p.
- [11] Серна Р. Испанцы в Великой Отечественной войне. М.: Прогресс, 1986. 352 с.

REFERENCES

- [1] Pis'mo zam. predsedatelja CK MOPR SSSR Sheveljovoj v Odessu ot 2 ijulja 1935 g. GARF. F. 8265. Op. 3. D. 35. L. 175.
- [2] Elpat'evskij A.V. Ispanskaja jemigracija v SSSR: istoriografija i istochniki, popytka interpretacii. M.-Tver': GERS, 2002. 203 s.
- [3] Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – ijul' 1956 g. M., GIJuL, 1956. 531 s.
- [4] De los Llanos Mas V.V. Ty pomnish', tovarisch..? М.: URSS, 2008. 269 s.
- [5] Limonero I.C. Dos paises, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.
- [6] Pis'mo v otdel viz i registracij GURKM NKVD tov. Belonogovu ot zam. pred. IK MOPR Stasovoj. 28 ijulja 1937 g. GARF. F. 8265. Op. 4. D. 66. L. 73.
- [7] Protokol № 3 zasedanija komissii po opredeleniju na rabotu politjemigrantov Ispanii i Chechoslovakii ot 25 ijunja 1939 g. Prikaz № 353 Vsesojuznogo komiteta po delam vyshej shkoly pri SNK SSSR. GARF. F. 8265. Op. 4. D. 82. L. 12.
- [8] Pis'mo zam. pred. IK MOPR Bogdanova tov. Smorodinskomu. 27 ijulja 1939 g. GARF. F. 8265. Op. 4. D. 82. L. 30.
- [9] Pis'mo kapitanu sovetского parohoda «Smol'nyj» ot zav. konsul'skim otdelom CK MOPR Avalova. 6 aprelja 1939. GARF. F. 8265. Op. 4. D. 77. L. 10.
- [10] Jung C.C. Los últimos aviadores de la República. La cuarta expedición a Kirovabad. Madrid: Ollero y Ramos editores, 2010. 395 p.
- [11] Serna R. Ispancy v Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: Progress, 1986. 352 s.

THE SPANISH EMIGRANTS AND CITIZENSHIP INSTITUTION IN THE USSR (SECOND HALF OF 1930'S – EARLY 1940-IES)

A. Arutiunov

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the Soviet citizenship obtaining by Spanish immigrants who arrived in the Soviet Union during and after the Civil War (1936–1939), ended in the defeat of the Republicans. The article addresses the status before the acquisition of nationality under the laws of the Soviet Union, and especially the process of taking Soviet citizenship, complicated by several factors. Among these factors, the author identifies the causes of age (“Spanish children”), personal (in the case of Spanish pilots interned in French concentration camps or remained on the territory of the USSR at the end of training in Kirovabad flight school) and external (the influence of the Spanish Communist Party, the Soviet bureaucracy) character. In this connection, also raises indirectly the question of citizenship compliance received by the Spaniards, to the basic law that governed the rights and duties of Soviet citizens – 1936 Soviet Constitution.

Key words: citizenship, stateless person, permanent residency, political émigré, “Spanish children”, PCE, Great Patriotic War

Об авторе:

Арутюнов Артем Артурович – аспирант кафедры всеобщей истории
Российского университета дружбы народов

E-mail: artemio.arutiunov@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-139-147

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

А.А. Глазов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В современных условиях напряженных международных отношений особую важность во многих странах приобретает внешнеполитическая пропаганда. Поэтому не следует забывать успешный пропагандистский опыт периода Второй мировой войны. Настоящая статья посвящена организации в начальный период Великой Отечественной войны радиовещания Коммунистического Интернационала на испанском языке, которое осуществлялось через радиостанцию «Радио Эспанья Индепендиенте» (ее второе название – «Пиренаика»), выходившую в эфир франкистской Испании нелегально. Статья базируется на изучении документов – как опубликованных, так и нет – из фонда Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории. Также при работе над статьей были использованы мемуары.

До сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не существует общей работы по истории советского радиовещания на иностранных языках. Данная статья позволяет прояснить роль Коминтерна в системе советского иновещания военного периода: с середины июля 1941 г. Коминтерн не только оказывал помощь ВРК при СНК СССР, то есть официальному советскому радиовещанию на иностранных языках, но и занимался собственным радиовещанием на границу, отстаивая интересы Советского Союза в информационной войне против гитлеровской Германии и ее союзников. Оно велось от имени секретных радиостанций, которые действовали в эфире зарубежных стран незаконно, и представляло собой серьезное оружие внешнеполитической пропаганды на службе СССР.

Ключевые слова: Коминтерн, ИККИ, Г.М. Димитров, ВРК при СНК СССР, Московское радио, советское радиовещание на иностранных языках, Д. Ибаррури, «Радио Эспанья Индепендиенте», «Пиренаика», Коммунистическая партия Испании, Франсиско Франко, Испания, В.М. Молотов

Введение. Начало регулярного советского радиовещания на иностранных языках датируется 1929 г. Первыми были организованы радиопередачи на немецком языке. Затем появились передачи на английском и французском языках [1. С. 163–164]. В 1933 г. был создан Всесоюзный радиокomitee по радиодификации и радиовещанию при Совете народных комиссаров СССР (ВРК при СНК СССР) [2. С. 979–980], который в дальнейшем являлся

единственной организацией в Советском Союзе, которая официально занималась радиовещанием на зарубежные страны. Слова испанского диктора ВРК при СНК СССР «Atención, habla Moscú, camaradas!» впервые прозвучали в международном эфире 1 августа 1932 г. Эти слова произнес Л. Чекини, аргентинский профсоюзный деятель итальянского происхождения, получивший в СССР политическое убежище [3. С. 27].

Вплоть до окончания гражданской войны в Испании, которая завершилась в 1939 г. поражением для республиканцев, поддерживаемых Москвой, он практически в одиночку обеспечивал работу испанской редакции ВРК. В качестве примера можно привести начало 1937 г. Тогда испанские радиопередачи одночасовой и двухчасовой продолжительности каждую ночь передавались в эфир. Занимался этими передачами один единственный человек – Луис Чекини. Он делал все – выполнял функции редактора испанских радиопередач, переводчика, машинистки, корреспондента. Передавал их в эфир до 03:00 часов ночи также Л. Чекини [4. Л. 21].

А в начале 1940–х гг. испанская редакция Московского радио («Московское радио» или «Радио Москва» – это неофициальное название ВРК при СНК СССР, которое использовалось в рассматриваемый период времени) уже переживала «самый настоящий бум», – так охарактеризовал данный период в ее развитии Э. Симорра [5. С. 75]. Эусебио Симорра был среди тех испанцев, которым пришлось покинуть свою родину и эмигрировать в Советский Союз в конце 1930–х гг. Будучи опытным партийным журналистом, Симорра в 1940 г. устроился на работу в Радиокomitee и проработал в его испанской редакции без малого 4 десятилетия, став настоящей легендой советского радиовещания на испанском языке. Именно в первой половине 1940-х гг. у руководства ВРК при СНК СССР появилась возможность предпринять успешные шаги по использованию испанских политэмигрантов, прибывших в СССР после падения Испанской республики, в качестве серьезного усиления квалифицированными кадрами своей редакции, которая готовила советские радиопередачи для франкистской Испании. Помощь с кадрами Московскому радио оказал Коммунистический Интернационал (КИ), вернее, одна из его национальных ячеек, – Коммунистическая партия Испании (КПИ). Первыми из Коминтерна в испанскую редакцию ВРК при СНК СССР пришли Р. Мендесона, А. Ассати и Э. Симорра [5. С. 66–67, 75–79; 6. Р. 84]. Однако вплоть до начала Великой Отечественной войны они не могли работать максимально эффективно. Пока действовал пакт Молотова–Риббентропа, испанским коммунистам приходилось сдерживать себя от открытого выражения всей своей ненависти по отношению к Ф. Франко и А. Гитлеру.

Исследование проблемы. После нападения войск национал-социалистической Германии на СССР пропагандистская деятельность аппарата Исполкома Коминтерна приобрела первостепенное значение в его работе. Пропаганда Коминтерна была нацелена на поддержку Советского Союза

и развитие антифашистской борьбы [7. С. 91–97; 8. С. 203–208]. Особое значение руководство ИККИ придавало радиовещанию на иностранных языках. 1 июля 1941 г. Г.М. Димитров записал в своем дневнике: «Послал Молотову наши политические и организационные предложения» [9. Л. 102]. В тот день генеральный секретарь ИККИ отправил наркому иностранных дел СССР два письма, в одном из которых, в частности, писал: «...Просим Вас решить вопрос о секретной радиостанции, которая бы говорила от имени свободной Германии к немцам. Станцию можно было бы использовать и для радиовещания к румынам, финнам, венгерцам и полякам. Организацию этого радиовещания поручить нам» [7. С. 108–109].

6 июля 1941 г. состоялась встреча В.М. Молотова с Г.М. Димитровым и Д.З. Мануильским, в ходе которой руководство Коминтерна получило одобрение своей инициативы по организации нелегального национального радиовещания на ряде иностранных языков: «Предложения наши приняты... Неофициальное радиовещание необходимо на разных языках. Разрешено организовать» [9. Л. 104].

Убедившись в поддержке данной инициативы со стороны советского руководства, Исполком Коминтерна (ИККИ) почти сразу же приступил к ее реализации [9. Л. 107]. Уже к 15 июля 1941 г. КИ начал вести нелегальные радиопередачи на немецком языке для католиков и национал-социалистов [7. С. 109].

В первой половине июля 1941 г. коминтерновские радиопередачи проводились через радиостудию Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), находившуюся в Москве. Однако передачи велись от имени самого народа той страны, для которой они готовились Коминтерном, и выход в национальный эфир якобы тайно осуществлялся прямо с ее территории, из того места, которое было неизвестно государственным властям. Нельзя было допустить того, чтобы правительства вражеских стран узнали о реальном месторасположении подпольных радиостанций в столице Советского Союза. Поэтому требовалось организовать их работу в условиях строгой конспирации. С этой целью 15 июля 1941 г. Димитров обратился к Молотову с предложением создать «особую радиостудию» в помещении отдела печати ИККИ и начать проведение передач через нее. Разрешение на создание собственной радиостудии для осуществления нелегальных радиопередач было получено генеральным директором ИККИ от В.М. Молотова на следующей же день, 16 июля [9. Л. 111].

Со временем объем работы аппарата Исполкома Коминтерна в области радиовещания постепенно возрастал, и она особенно развернулась после переезда аппарата ИККИ в Уфу в середине октября 1941 г. До эвакуации в столицу Башкирской АССР Коминтерн имел всего 11 радиостанций, которые еженедельно работали на 10 разных языках: немецком, болгарском, румынском, польском, чешском, французском, итальянском, испанском, венгерском и словацком. В неделю они осуществляли всего 51 радиопередачу, общая

продолжительность которых достигала 15 ч. 45 мин. Каждая радиостанция, за исключением специальной католической, занималась нелегальной радио-пропагандой на конкретную страну [10. Л. 4–6].

Первая радиопередача Исполкома Коминтерна на испанском языке вышла в эфир 22 июля 1941 г., спустя месяц после нападения армии Гитлера на СССР [11, с. 159]. Испания Франсиско Франко на протяжении большей части войны придерживалась дружественного нацистскому Берлину нейтралитета и даже отправила на Восточный фронт Второй мировой войны сражаться против большевистской власти в России т.н. «Голубую дивизию» [12. С. 92–157; 13, 14]. Подпольная радиостанция ИККИ, осуществлявшая радиовещание на испанском языке, получила название «Радио Эспанья Индепендиенте» (с испанского название радиостанции можно перевести как «Радио “Независимая Испания”»). Но большую известность среди испанских радиослушателей радиостанция получила под своим вторым названием – «Пиренаика», которое придумала и дала ей Д. Ибаррури. Непосредственной организацией и руководством работой радиостанции Исполкома Коминтерна, вещавшей на испанском языке, занималась КПИ.

Испанская радиостанция пропагандировала идею национального единства всех испанцев против «гитлеровской агентуры» в Испании, прежде всего против С. Суньера (министра иностранных дел Испании и главы испанской правящей партии) и его сторонников, которые, как заявлялось, намеревались ввергнуть страну в войну против Советского Союза. Своими радиопередачами Коммунистическая партия Испании стремилась убедить испанцев в том, что Испания не должна была служить военной базой для гитлеровской Германии, выступала против всякой отправки испанского продовольствия, товаров и тому подобного в Германию. Особое внимание сотрудники радиостанции уделяли Голубой дивизии, которую характеризовали как «позор для Испании». В радиоэфире ими заявлялось о том, что ни один испанец не должен был становиться ни солдатом, ни рабочим Гитлера. Аудиторию своих радиослушателей радиостанция КПИ стремилась убедить в том, что испанский народ в целом должен был оказывать всеми возможными средствами помощь Отечественной войне советского народа, что являлось «продолжением борьбы самого испанского народа за свою свободу и независимость» [10. Л. 9–10].

Христианская радиостанция Коминтерна вещала на 7 разных языках. Имелись радиопередачи и на испанском языке. Они передавались от имени радиостанции, называвшей себя «Радио Аксион Католика» (название можно перевести с испанского языка как «Радио “Католическое действие”»). В них пропагандировалась идея независимой католической Испании. Христианская радиостанция выступала против «немецких неоязычников», которые грабили Испанию, и против гитлеровских агентов, которые пытались втянуть Испанию в «антихристианскую войну» Гитлера [10. Л. 13–15].

У руководства ИККИ имелись косвенные доказательства слышимости его испаноязычных радиопередач: неоднократно повторявшиеся вынужденные выступления официального испанского радио – «Радио Насьональ де Эспанья» (с испанского название радиостанции можно перевести как «Национальное радио Испании») против сообщений, которые прежде были переданы «Радио Эспанья Индепендиенте» (правда, в данных выступлениях не упоминалось название испанской радиостанции Коминтерна).

О слышимости и влиянии радиостанции КИ, вещавшей на испанском языке, также свидетельствовал случай, когда министр юстиции франкистского правительства вынужден был выступить с публичным заявлением по поводу кампании по политической амнистии, которую проводило «Радио Эспанья Индепендиенте» [10. Л. 16].

Как же было организовано нелегальное радиовещание Исполкома Коминтерна? Во главе каждой радиостанции стоял коллектив редакторов, в состав которого входили ответственные партийные работники или руководители коммунистической партии соответствующей страны. Аппарат каждой редакции был крайне небольшим и включал в себя от 2 до 7 членов соответствующей компартии. Деятельность радиостанций должна была соответствовать работе центрального органа партии своей страны.

Общее руководство работой радиостанций лежало на так называемой «центральной редакции», которая была назначена Секретариатом ИККИ и состояла из 5 человек. В ее распоряжении находилось 3 политических помощника (приведенные цифры отражают численность центральной редакции и ее помощников уже в период работы аппарата ИККИ в столице Башкирской АССР).

Задача центральной редакции заключалась в том, чтобы, основываясь на центральной линии, установленной Секретариатом ИККИ, давать необходимые указания и советы по повседневной работе своим радиостанциям. Центральная редакция также осуществляла функцию цензорского контроля: все радиопередачи предоставлялись ей для контроля и визирования. Работой самой центральной редакции непосредственно руководил и лично ее контролировал генеральный секретарь ИККИ. Работа дикторов проверялась дежурным членом центральной редакции прямо у микрофона. Центральная редакция находилась в тесной связи с отделом печати ИККИ, который предоставлял ей важные материалы для радиопередач, снабжал ее материалами, получаемыми его сотрудниками благодаря прослушиванию передач основных зарубежных радиостанций, и т.д. [10. Л. 17].

Самая большая трудность в работе национальных редакций нелегальных радиостанций Исполкома Коминтерна после переезда в Уфу заключалась в отсутствии требуемой для их работы актуальной информации о положении дел в той стране, для которой они готовили свои передачи, так же, как и представлений о реальных настроениях «народных масс» этой страны [15. Л. 1–2]. Логично предположить, что данная проблема осложняла работу со-

трудников нелегального радиовещания КИ на иностранных языках еще в Москве, только в гораздо меньшей степени.

Заключение. Из вышеизложенных фактов следует, что с 15 июля 1941 г. Коммунистический Интернационал не только оказывал помощь ВРК при СНК СССР, то есть официальному советскому радиовещанию на иностранных языках, но и занимался собственным радиовещанием на зарубежные страны, – национал-социалистическую Германию, оккупированные немецкой армией территории, а также государства–союзники нацистского Берлина. Оно велось от имени секретных радиостанций, нелегальная деятельность которых в национальном эфире этих стран преподносилась в качестве важной составляющей внутренней антифашистской или оппозиционной борьбы патриотически настроенных и самостоятельно организованных народных групп против Гитлера, подконтрольных и союзных ему правительств, администраций, предательски стоявших на его стороне, вопреки национальным интересам.

Большинство радиослушателей Третьего рейха и стран гитлеровской коалиции (к этой категории стран в рамках данной статьи автор относит не только страны «оси» – Италию и Японию, но все страны, правящие режимы которых, с точки зрения руководства СССР, в той или иной форме поддерживали национал-социалистическую Германию во Второй мировой войне), по всей видимости, относились к Московскому радио с его международными передачами подозрительно, видя в нем официальный рупор внешнеполитической пропаганды большевистского режима в России, – главного идеологического врага их государств. Предполагалось, что куда больше доверия у них должна вызвать информация, которую бы передавали как будто свои «народные» радиостанции, просто не имевшие возможности заниматься внутренним вещанием на легальной основе, ввиду государственной цензуры. В силу данного обстоятельства национальное радиовещание Коминтерна через собственные нелегальные радиостанции могло превратиться в эффективное оружие СССР, способное нести реальную угрозу интересам действовавших правительств и администраций выше названных стран.

© Глазов А.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание: Страницы истории. М.: Изд-во «Искусство», 1976. 382 с.
- [2] «Великая книга дня...»: Радио в СССР: сб. док. и мат. / Сост. Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН, 2007. 1040 с.
- [3] Заско И.Ф. Начало / В.А. Самарин // Голос, который знаком всему миру: Российскому Иновещанию – 80 лет! Сб. статей / М.: [б.и.], 2009. С. 23–33.

- [4] Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 12. Д. 135.
- [5] Симорра Б. «Идальго в стране холода»: Испанский журналист в Советской России, 1939–1977. М.: «Деловой Домовой», 2011. 414 с.
- [6] Mendezona R. La Pirenaica y otros episodios. Madrid, Libertarias/Prodhufo, 1995. 295 p.
- [7] Коминтерн и вторая мировая война: сб. док. в 2-х ч. Ч. 2: После 22 июня 1941 г. / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский; Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М.: «Памятники исторической мысли», 1998. 596 с.
- [8] История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: «Наука», 2002. 413 с.
- [9] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 195. Д. 1.
- [10] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 125.
- [11] Ибаррури Д. Воспоминания: Борьба и жизнь. В 2-х кн. Кн. 2. Мне не хватало Испании: пер. с исп. М.: Политиздат, 1988. 286 с.
- [12] Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 410 с.
- [13] Ковалев Б.Н. Добровольцы на чужой войне: Очерки истории Голубой дивизии. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2014. 491 с.
- [14] Елпатьевский А.В. Голубая дивизия, военнопленные и интернированные испанцы в СССР. СПб.: Алетейя, 2015. 268 с.
- [15] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ.). Ф. 495. Оп. 73. Д. 144.

REFERENCES

- [1] Gurevich P.S., Ruzhnikov V.N. Sovetskoe radioveshchanie: Stranitsy istorii [Radio Broadcasting in the USSR: Pages of History]. Moscow, «Iskusstvo» Publ., 1976. 382 p.
- [2] «Velikaja kniga dnja...»: Radio v SSSR: sb. dok. i mat. [«The Great book of a day...»: Radio in the USSR: Collection of Documents and Materials] / Compiler T.M. Gorjaeva. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2007. 1040 p.
- [3] Zasko I.F. Nachalo [The Beginning]. Golos, kotoryy znakom vsemu miru: Rossiyskomu Inoveshchaniyu – 80 let! [The Voice Celebrated in the Whole World: International Broadcasting of Russia Celebrates its 80 anniversary!]. Moscow, n.p., 2009, p. 23–33.
- [4] Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no–politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI.). F. 495. Op. 12. D. 135.
- [5] Simorra B. Idal'go v strane kholoda. Ispanskiy zhurnalist v Sovetskoy Rossii, 1939–1977 [Hidalgo in the country of cold. Spanish journalist in Soviet Russia. 1939–1977]. Moscow, «Delovoy Domovoy» Publ., 2011. 414 p.
- [6] Mendezona R. La Pirenaica y otros episodios. Madrid, Libertarias/Prodhufo, 1995. 295 p.
- [7] Komintern i vtoraja mirovaja vojna: sb. dok. v 2-h ch. Ch. 2: Posle 22 ijunja 1941 g. [The Comintern and World War II: collection of documents in 2 vols. Vol. 2: After June 22, 1941] / Compilers, authors of introduction and references N.S. Lebedeva, M.M. Narinskiy; Editors-in-Chief K.M. Anderson, A.O. Chubar'jan. Moscow: «Pamjatniki istoricheskoy mysli» Publ., 1998. 596 p.

- [8] Istorija Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943: Dokumental’nye ocherki [History of the Communist International 1919–1943: Documented Essays] / Editor-in-Chief A.O. Chubar’jan. Moscow, «Nauka» Publ., 2002. 413 p.
- [9] Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social’no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI.). F. 495. Op. 195. D. 1.
- [10] Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social’no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI.). F. 495. Op. 73. D. 125.
- [11] Ibarruri D. Vospominaniya: Bor’ba i zhizn’. V 2-h kn. Kn. 2. Mne ne hvatalo Ispanii: Per. s isp. [Memories: Struggle and Live. In 2 vols. Vol. 2. I missed Spain: translation from Spanish]. Moscow: Politizdat Publ., 1988. 286 p.
- [12] Pozharskaja S.P. Fransisko Franko i ego vremya [Francisco Franco and His Time]. Moscow: «OLMA Media Grupp» Publ., 2007. 410 p.
- [13] Kovalev B.N. Dobrovol’cy na chuzhoj vojne: Ocherki istorii Goluboj divizii [Volunteers in a Strange War: the Essays on the Blue Division History]. Veliky Novgorod: The Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, 2014. 491 p.
- [14] Elpat’evskij A.V. Golubaja divizija, voennoplennye i internirovannye ispany v SSSR [The Blue Division, Prisoners of War and Spanish internees in the USSR]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2015. 268 p.
- [15] Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social’no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI.). F. 495. Op. 73. D. 144.

THE ORIGINATION OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL RADIO BROADCASTING IN THE SPANISH LANGUAGE

A. Glazov

Peoples’ Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay St., 6, Moscow, Russia, 117198

Today we are facing numerous cases of increasing worsening the international relations. This gives a special role to the foreign politics propaganda. That’s why the successful experience of the propagandist work during the Second World War should not be ignored. This article describes the creation of the Spanish language radio broadcasting system of the Communist International at the beginning of the Great Patriotic War. The broadcasting was implementing via the Radio España Independiente radio station (also known as Pirenaica), which was illegal in Francoist Spain.

This work is primarily based on the documents (that were published or not) of the Communist International fund, which is part of the Russian State Archive of Socio-Political History. Also, some memoirs in Russian and Spanish were used in the research.

Today we don’t have a single work (in the Russian and foreign historiography, as well), devoted to the general history of the Soviet radio broadcasting in foreign languages. However, this article helps us to clarify the role of the Communist International in the Soviet foreign broadcasting activities during the war, starting from the middle of July 1941. The Communist International did not just assist to the All-Union Committee for Radiofication and Radio Broadcasting at the USSR Sovnarkom, but at the same time, its own foreign broadcasting was created. And this broadcasting,

held on behalf of some illegal secret radio stations located in other countries, aimed at pursuing the interests of the Soviet Union within its information war with Hitler's Germany and its allies. In general, the Comintern radio broadcasting was a serious Soviet weapon of external policy propaganda.

Key words: the Comintern, ECCI, G. Dimitrov, the All-Union Committee for Radiofication and Radio Broadcasting at the USSR Sovnarkom, Radio Moscow, the USSR radio broadcasting in foreign languages, D. Ibárruri, Radio España Independiente, Radio Pirenaica, the Communist Party of Spain, Francisco Franco, Spain, V.M. Molotov

Об авторе:

Глазов Александр Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории
Российского университета дружбы народов

E-mail: viadelcorso@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-148-155

СТОЛКНОВЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО В МИРОВОЗЗРЕНИИ ФРАНСИСКО ХАВЬЕРА КЛАВИХЕРО

И.Ю. Веселова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена ментальному конфликту, который стал одной из характерных черт мексиканского Просвещения. Распространение в креольской среде новых философских идей, пришедших из Европы, привело к столкновению на начальном этапе двух различных типов мышления. Наиболее ярко этот процесс проявился в работах мексиканских мыслителей-иезуитов, к группе которых относится Франсиско Хавьер Клавихеро. Выросший в религиозной креольской семье и избравший путь служения Богу, Клавихеро с раннего возраста проявил тягу к знаниям. Первичный круг его интересов сформировали философия, история и иностранные языки. Знакомство с философскими идеями Нового времени привело к столкновению рационального и религиозного в мировоззрении мексиканского мыслителя. Он попытался примирить эти два подхода, чтобы разрешить данный ментальный конфликт. В своих работах по философии и истории Клавихеро продолжал частично придерживаться традиционных религиозных взглядов, используя при этом рациональные аргументы. Результатом стало причудливое сочетание старых и новых философских идей, символизировавшее закат традиционной схоластики в испанских колониях. Клавихеро и его коллеги-иезуиты положили начало эпохе Просвещения в Новой Испании.

Ключевые слова: Мексика, Клавихеро, Новая Испания, Церковь, иезуиты, Просвещение, колониальная эпоха

Введение. В XVI–XVII вв. в Европе происходило активное развитие научного знания. Зародилась новая философия, которая к середине XVIII в. постепенно проникла в латиноамериканские колонии, несмотря на ограничения со стороны властей и церкви. Поскольку церковь имела огромное влияние в Латинской Америке, картезианский материализм не получил там столь широкого распространения. Благодаря этому латиноамериканское Просвещение приобрело собственные отличительные черты.

Самым влиятельным и многочисленным католическим орденом в Новом Свете был орден иезуитов, члены которого составляли большую часть преподавательского состава колониальных учебных заведений. Реакция на новую философию в иезуитской среде была различной: некоторые члены ордена от-

вергали ее полностью, другие пытались сочетать с аристотелевской философией, традиционно преподаваемой в колледжах. К последним относился и мексиканский мыслитель Франсиско Хавьер Клавихеро.

Клавихеро стал одним из иезуитов-мыслителей, открывших эпоху Просвещения в Новой Испании. Для этой группы авторов были характерны попытки примирить науку и религию, рациональное и религиозное мировоззрение. Цель данной работы – выяснить, как Клавихеро адаптировал новые философские идеи и как они повлияли на его исследовательский подход.

До середины XX в. мексиканские и зарубежные авторы проявляли интерес к Клавихеро прежде всего как к историку. Это закономерно, поскольку основу его письменного наследия составляют два исторических труда: «Древняя история Мексики» и «История древней или нижней Калифорнии». Однако с середины XX столетия ученые обратили внимание на другие аспекты жизни мексиканского мыслителя. Появились исследования, посвященные его философии, преподавательской деятельности и жизни в целом. Особого внимания заслуживают работы Чарльза Ронана, Бернабе Наварро и Мигеля Леон-Портильи [1, 2, 3]. Всплеску внимания к фигуре Клавихеро способствовала публикация документов, связанных с его семьей, а также переписки с современниками [4, 5]. Также ценным источником информации о жизни мексиканского мыслителя является биография, написанная его другом и коллегой-иезуитом Хуаном Луисом Манейро [6].

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, в начале следует выяснить, как у Клавихеро возникло «противоречие между жесткой христианской ортодоксальностью и открытием современности» [3. Р. 642]. Обратимся к некоторым аспектам формирования его мировоззрения и определим, какую роль в его жизни сыграла церковь и орден иезуитов, а какое место заняли науки. Дополнительная информация по этой теме содержится в статье «Истоки формирования научного мировоззрения Франсиско Хавьера Клавихеро» [7].

Исследование проблемы. Отец Клавихеро, дон Блас, уроженец Испании, приехал на службу в Веракрус, а мать, донья Мария Эчигаррай, родилась в знатной креольской семье [6. Р. 120]. Франсиско был третьим по счету ребенком. Он, как и двое его братьев, избрал путь церковного служения. Такая практика была широко распространена среди младших сыновей в креольских семьях.

Отец оказал большое влияние на Франсиско. У Бласа Клавихеро была обширная библиотека. Он интересовался историей, философией и иностранными языками, о чем свидетельствует опись имущества, проведенная после смерти родителей Франсиско. В ней указаны труды Цицерона и Овидия, Кеведо и Фейхоо, а также различные исторические сочинения [8. Р. 70–73]. Дон Блас занимался начальным образованием сына. Благодаря отцу будущий ученый получил базовые знания по истории, географии и устройству мира.

В раннем возрасте Франсиско отправили в школу Святого Иеронима для изучения латинской грамматики, поэзии и риторики. Затем он поступил в

семинарию Святого Игнатия в Пуэбле, где продемонстрировал особые успехи в изучении латинского языка и философии. Там же он начал изучать теологию и в скором времени защитил свою первую работу. Логично предположить, что уже на этом этапе образования Клавихеро осознал свою тягу к научной деятельности. Первичный круг его интересов сформировали философия и иностранные языки.

13 февраля 1748 г. Клавихеро стал послушником ордена иезуитов в маленькой деревушке Тепотсотлан недалеко от Мехико. Манейро полагал, что главным толчком к выбору жизненного пути для Клавихеро стал пример его отца, человека уважаемого и скромного [6. Р. 127]. Кроме того, Блас Клавихеро был весьма религиозным человеком, о чем свидетельствуют некоторые моменты из его завещания. Он просил отправить его тело в госпиталь при обители Святого Бернардина в Пуэбле. Монахи должны были провести обряд погребения так, словно это «бедняк умер в том госпитале, и от этого правила душеприказчики не должны отступать никоим образом» [9. Р. 25]. О набожности семьи Клавихеро также свидетельствует обширный список изображений святых, значащийся в описи имущества дона Бласа [10. Р. 65–68].

Любопытно, что влиятельным другом семьи был прелат дон Андрес де Акре и Миранда, который помогал Хуану Хосе де Эгиара-и-Эгурен составлять знаменитую «Мексиканскую библиотеку» – сборник документов по истории Мексики [4. Р. 12]. Не исключено, что связи отца оказали определенное влияние на дальнейший путь Франсиско.

Учитывая сказанное выше, можно было бы предположить, что после окончания семинарии Клавихеро сделал осознанный, взвешенный выбор, раз и навсегда решив связать свою жизнь с церковным служением. Однако все оказалось сложнее. Первые месяцы послушничества дались Франсиско непросто. По всей видимости, Клавихеро неоднократно жаловался на свое положение и отказывался следовать некоторым правилам ордена. Дело дошло до того, что провинциал падре Андрес Хавьер Гарсия написал Клавихеро письмо, в котором просил новоявленного послушника проявить смирение: «Все вещи в начале кажутся сложными, и если Вам, мой любезный, невыносима жизнь, посвященная вере, это потому, что Вы в начале пути, и принимаете его со скукой, не желая преодолевать» [11. Р. 318]. Падре Гарсия попытался убедить Клавихеро в том, что его меланхолия – это происки дьявола, пытающегося сбить его с истинного пути.

Слова ли наставников возымели действие, или же Клавихеро сам нашел в себе силы принять избранный путь, известно одно – послушание он не оставил. Вероятно, отдушиной в рутинной жизни ордена для него стала наука, поскольку с этого момента он приступил к активному изучению языков: греческого, французского и португальского, а также иврита и наутля. В Пуэбле, в колледже Святого Ильдефонсо Клавихеро снова прошел курс схоластической философии.

В этот период Клавихеро начал изучать философию Нового времени, руководствуясь работами Тоски и Фейхоо [6. Р. 132]. Он ознакомился с работами Декарта, Лейбница, Гассенди, Ньютона и других авторов. Манейро также упоминает о духе консерватизма, царившем в учебном заведении [6. Р. 136]. Обсуждение идей философов Нового времени не приветствовалось.

Орден открыл перед Клавихеро большие возможности, так как в нем состояли выдающиеся мыслители Мексики той эпохи. После окончания курса в Пуэбле он отправился в Мехико, чтобы изучать теологию в колледже Святых Петра и Павла. Там он познакомился с группой молодых иезуитов, ведущих активную интеллектуальную деятельность. Наставником и другом Клавихеро стал Хосе Рафаэль Кампой, один из видных представителей мексиканского Просвещения [1. Р. 52]. Он проявлял большой интерес к новым философским идеям и сыграл важную роль в их распространении в Новой Испании. Именно Кампой познакомил молодого исследователя с коллекцией исторических документов, находящихся в колледже святых Петра и Павла. Клавихеро заинтересовали манускрипты донна Карлоса Сигуэнсы-и-Гонгоры, несколько томов которых были посвящены древним индейским культурам. Эти источники подтолкнули Клавихеро к изучению истории, и в частности, к исследованию индейских кодексов. Впоследствии, находясь в колледже святого Григория, он посвятил этому занятию пять лет.

Клавихеро завершил курс теологии в 1753 г. Ему еще не исполнилось 22 года, поэтому он вынужден был ждать достижения положенного возраста, чтобы принять сан. После окончания обучения его назначили на должность заведующего учебной частью в колледже Святого Ильдефонсо.

Главной целью Клавихеро на этом посту стало изменение методики преподавания в семинарии. Однако коллеги отказались пойти ему навстречу. Он написал письмо провинциалу Хуану Антонио Бальтасару с просьбой помочь в разрешении проблемы, но тот, признавая достижения преподавателя, все же отказал ему во избежание скандала [6. Р. 137].

Вопреки просьбам Клавихеро о переходе к миссионерской деятельности он был назначен в колледж Святого Григория в Мехико для обучения индейцев. Там у Клавихеро произошел конфликт с ректором учебного заведения. В своем письме провинциал Педро Реалес сетовал на то, что Клавихеро отказывался выполнять свои обязанности, «посвятив себя другим заботам и исследованиям...» [12. Р. 319]. Этот эпизод из жизни Клавихеро свидетельствует о его непростом характере. Его внимание было полностью захвачено собственными научными изысканиями, в угоду которым он игнорировал правила, установленные в учебном заведении.

Ронан отвергает мысль о том, что Клавихеро был «пылким вестником новой философии, боровшимся за освобождение от оков, дабы войти в аудиторию и поделиться со своими студентами открывшимся ему знанием» [1. Р. 64]. По его мнению, мексиканскому мыслителю, скорей всего, не приносила удовольствия преподавательская деятельность. Такой вывод Ронан сделал, исходя

из сведений о том, что Клавихеро неоднократно просил отправить его миссионером в Нижнюю Калифорнию. Манейро, в свою очередь, отметил, что в этот период Клавихеро начал издавать небольшие произведения с целью принести пользу обществу [6. Р. 141]. При этом он часто подписывался вымышленными именами или оставлял работы анонимными. Эти небольшие труды были посвящены проблемам риторики, изучению языков, истории, философии и другим вопросам. Сложно сказать, как Клавихеро в действительности относился к преподавательской деятельности, но ему, несомненно, импонировала идея обновления традиционного философского курса, преподаваемого в учебных заведениях Новой Испании.

В 1862 г. Клавихеро был отправлен в колледж Святого Франциска в Пуэбле, но пробыл там совсем недолго. Возможность читать собственный курс была предоставлена ему снова благодаря назначению на должность преподавателя философии в другом колледже Святого Франциска, в Вальядолиде, в провинции Мичоакан. По словам Манейро, Клавихеро хотел преподавать философию, «которую образованная Европа опробовала и ввела в своих школах, и которую он сам считал наиболее полезной и хорошо усваиваемой молодыми людьми» [6. Р. 145]. Старый философский курс был перегружен сложным языком, и в нем отсутствовали работы современных философов. Клавихеро создал новый, включив в него широкий спектр вопросов, начиная с древнегреческой философии и заканчивая современными авторами, такими как Декарт, Лейбниц и Франклин. *Cursus Philosophicus* включил в себя два раздела: *Phisica Generalis* и *Phisica Particularis*. Первая часть документа, увы, была утеряна.

Дошедшая до нас *Phisica Particularis* наглядно раскрывает попытки автора примирить старое и новое знание. Одна из частей работы посвящена системе устройства мира. Клавихеро изучил три варианта: систему Птолемея, Коперника и Тихо Браге, и признал их все несостоятельными. Рассмотрев систему Птолемея, Клавихеро сделал следующее заключение: «после точнейших наблюдений современных астрономов и философских опытов уже нет никого, кто бы осмелился защищать ее, за исключением некоторых перипатетиков, игнорирующих астрономию и физику» [13. Р. 139]. Точно так же Клавихеро отказался от системы Тихо Браге, поскольку она не совпадала с данными астрономии и физики. Однако главным аргументом против гелиоцентрической системы стало то, что она «противоречит священному писанию» [13. Р. 142]. В случае с Коперником Клавихеро апеллировал к авторитету церкви, отодвинув рациональные аргументы на второй план. Таким образом, автор одновременно применил два совершенно разных подхода в доказательстве. При этом следует отметить, что аргументы религиозного характера, которые привел в своей работе Клавихеро, были для него важнее, чем научные. Бернабе Наварро высказал предположение, что для Клавихеро существовало два уровня философской деятельности: публичный, в котором он не осмеливался подрывать авторитет церкви, и личный, в котором главной целью становился

поиск правды [2. Р. 244]. Идея Наварро привлекательна, однако однозначно высказаться по этому поводу сложно, поскольку для оценки нам доступен лишь первый из указанных уровней.

Маурисио Бешо назвал Клавихеро «модернизированным схоластом» [14. Р. XXVII]. В своих работах мексиканский мыслитель не порывал окончательно с традиционными взглядами, но уже использовал рациональные аргументы и апеллировал к опыту. По сути, *Phisica Particularis* Клавихеро – это смесь традиционного аристотелизма и философии Нового времени. Используя новые философские идеи, он попытался обновить традиционную схоластическую философию, придать ей второе дыхание.

В исторических работах Клавихеро также проявились новые тона, не характерные для трудов его предшественников. В XVII – первой половине XVIII в. в историографии Новой Испании преобладали провинциальные хроники религиозных орденов. Их авторы, оставив в прошлом интерес к природе индейца, обратились к традициям и верованиям коренного населения для того, чтобы продемонстрировать их несостоятельность и заблуждения. Однако Клавихеро ставил перед собой иные задачи. «Древняя история Мексики» уже не была апологетикой деятельности Церкви в Новом Свете. Она стала ответом на труды европейцев, очернявших Америку и ее жителей. Клавихеро обратил внимание на индейское наследие с позиции рациональной критики. Он постарался показать читателям, что «вся древняя история мексиканцев показывает, что они умеют думать и организовывать свои идеи... и что европейцы не имели перед ними никакого преимущества, кроме более развитого производства» [15. Р. 519]. Однако в его работе все еще четко просматривался схоластический взгляд на исторический процесс. К примеру, Клавихеро считал, что поражение мексиканцев в Конкисте стало проявлением божественной справедливости и «нестабильности земных королевств» [15. Р. 418]. Как и в *Phisica Particularis*, в «Древней истории Мексики» отчетливо проявилось сочетание двух различных философских подходов.

Заключение. Воспитанный в религиозной семье, Клавихеро избрал путь служения Богу. Однако его церковная карьера складывалась непросто. Он был вынужден подстраиваться под те правила, которые диктовало ему руководство ордена. Свой отпечаток наложили проявившаяся с детства тяга к знаниям и своенравный характер. Идеи философии Нового времени увлекли Клавихеро, но не заставили полностью отказаться от традиционных представлений об устройстве мира. В своих работах он постарался согласовать эти два столь разных подхода, отбросив то, что мешало их объединению.

Клавихеро и его коллеги-иезуиты соорудили мост, по которому в Мексику пришли философские идеи Нового времени. При этом с позиции церкви они выполняли двойную функцию: с одной стороны отсеивали лишнее, «вредное» знание, а с другой поддерживали интеллектуальную гегемонию ордена в испанских колониях. Таким образом, философия, преподаваемая в мексиканских колледжах, приобрела эклектические черты. Изгнание иезуи-

тов положило конец этому процессу причудливого смешения идей. Однако они дали толчок движению, широко развернувшемуся впоследствии: настоящему расцвету научного знания в Новой Испании.

© Веселова И.Ю., 2017

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- [1] Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731–1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. 535 p.
- [2] Navarro B. Filosofía y cultura novohispanas. México: UNAM, 1998. 250 p.
- [3] León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // *Historiografía mexicana*. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 605–642.
- [4] Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. 73 p.
- [5] Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero // *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939–1940. P. 307–335.
- [6] Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México: UNAM, 1956. 292 p.
- [7] Веселова И.Ю. Истоки формирования научного мировоззрения Франсиско Хавьера Клавихеро // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. № 2. 2015. М.: РУДН, 2015. С. 61–66 / Veselova I.Y. Istoki formirovaniya nauchnogo mirovozzreniya Fransisko Hav'era Klavihero [The origins of the Francisco Javier Clavijero's scientific outlook]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Vseobshchaya istoriya. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series World History], 2015, No. 2. P. 61–66.
- [8] Arch. Gral. De Notarías, Puebla: Notaría 6: 1752: “Autos de inventarios y apreciaciones de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 38 vta. 40 vta. // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 69–73.
- [9] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y apreciaciones de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 74–89 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 23–34.
- [10] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y apreciaciones de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 26, 35, vta. 37 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 64–68.
- [11] Carta de provincial Andrés García. México, Abril 23 de 1748 // Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939–1940. P. 318.
- [12] Carta de provincial Pedro Reales. Abril 23 de 1761 // Romero Flores J. Documentos para la biografía del historiador Clavigero / *Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia*, I. México, 1939–1940. P. 319.

- [13] Clavijero F.J. De la Física Particular // Filósofos mexicanos de siglo XVIII / introd. Beuchot M. México: UNAM, 1995. P. 137–178.
[14] Filósofos mexicanos de siglo XVIII / introd. Beuchot M. México: UNAM, 1995. 205 p.
[15] Clavijero F.J. Historia antigua de México. México: Porrúa, 1974. 621 p.

COLLISION BETWEEN THE RATIONAL AND THE RELIGIOUS IN THE OUTLOOK OF FRANCISCO JAVIER CLAVIJERO

Irina Veselova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the mental conflict which became one of the characteristic features of The Mexican Enlightenment. The distribution in the Creole environment of new philosophical ideas, that came from Europe, in the initial phase led to a collision between two different types of thinking. This process was most pronounced in the works of the Mexican Jesuit thinkers whose member was Francisco Javier Clavijero. He grew up in a religious Creole family and chose the path of service to God. From early years Clavijero developed a thirst for knowledge. His first circle of interest was formed by philosophy, history and foreign languages. His meeting with new philosophical ideas led to collision between the rational and the religious in the Mexican thinker's outlook. He tried to reconcile these two approaches. In his philosophical and historical works Clavijero carried on partially to stand by traditional religious views but also he used rational arguments. The outcome was a bizarre combination of old and new philosophical ideas which symbolized a decline of traditional scholastic in Spanish colonies. Clavijero and his Jesuit colleagues set up a new era of the Enlightenment in the New Spain.

Key words: Mexico, Clavijero, New Spain, church, Jesuits, Enlightenment, colonial epoch

Об авторе:

Веселова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов

E-mail: IrinaXochitl@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-156-168

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ХУННУ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

Е.Б. Барина

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32 А, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена обзору исследований российских и зарубежных авторов конца XX – начала XXI в. некоторых актуальных вопросов истории хунну. Если первоначально аспекты развития хунну рассматривались прежде всего в связи с их ролью в формировании скифо-сибирского искусства, то в настоящее время на первый план выходят исследования их роли в становлении китайско-центральноазиатских контактов. Наиболее аргументированно разрабатывается проблема хуннской хронологии, степень развития земледелия у хуннов, вопрос о происхождении государства, этническая природа хунну, биологическая характеристика представителей этой группы из разных частей ее ареала. Современные исследования проводятся как стандартными методами антропологии, так и методами палеогенетики. Результаты исследований свидетельствуют, что смешение кавказоидных и монголоидных элементов началось на территории Монголии в эпоху неолита и продолжалось до монгольских нашествий. Материалы, полученные в результате работы академических экспедиций конца XX – начала XXI в., и теоретические исследования российских и зарубежных ученых позволили выявить новые аспекты культурного, хозяйственного и этнического развития хунну и их роли в становлении китайско-центральноазиатских контактов.

Ключевые слова: хунну, Центральная Азия, Китай, историография

Введение. Отдельным вопросом следует рассмотреть историографию проблем, связанных с развитием хунну, поскольку они являлись важным звеном в цепи евразийских контактов Китая в древности. Если первоначально аспекты развития хунну рассматривались прежде всего в связи с их ролью в формировании скифо-сибирского искусства, то в настоящее время на первый план выходят исследования их роли в становлении китайско-центральноазиатских контактов [1; 2; 3]. Только за последние 20 лет было организовано несколько больших международных конференций (1). Опубликованы данные исследований хуннов на территории России: курганов из Ильмовой пади в Южной Бурятии [5]; могильников Дырестуйском [6] и Иволгинском [7; 8]; других памятников в Туве [9]; Хакасии [10]; на Алтае [11]; в Восточном Забайкалье

[12]; на территории к западу от Байкала [13]. Много новых данных для археологии хунну было получено в результате использования геоинформационных систем (GIS) (2). Одним из результатов стало открытие большого количества новых памятников и, соответственно, проведение исследований на них (3). Наиболее яркими открытиями рубежа XX–XXI вв. стали хуннские курганы на могильниках Гол-Мод и Гол-Мод-2 [20; 21] в Центральной Монголии, монголо-российская экспедиция под руководством Н.В. Полосьмак продолжила исследования могильника Ноин-Ула [22].

Курганы хуннской знати были раскопаны в пади Царам [23], а в Восточной Монголии был исследован могильник Дурлиг-Нарс. Были также систематизированы данные о хуннских городищах Монголии. На раскопках поселения Бороо в Селенгинском аймаке [1] раскопана часть большого здания, крытого черепицей, на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке [24]. На городище Баян-Булаг на юге Монголии [25] были исследованы следы сражения хунну против защитников приграничного городка империи Хань (4).

Исследование проблемы. Наиболее аргументированно проблема хуннской хронологии разобрана в публикации Пан Лина [29]. Разобрав различные категории археологического материала, Пан Лин считает, что наиболее ранним памятником культуры хунну на территории Китая является могильник Даодуньцзы (5), который синхронен Иволгинскому комплексу из Забайкалья, датируется II–I вв. до н.э. и относится к эпохе Западной (ранней) Хань. Другие памятники Забайкалья рассматриваются как одновременные Иволге, но они могли существовать до раннего этапа Восточной (поздней) Хань. К синхронным памятникам относится могильник Будонджоу из Китая.

К этому же времени относятся многие раскопанные курганы из Монголии и Забайкалья (Ноин-Ула [31], Гол Мод [20; 21], Дурлиг-Нарс [32], Царам [33], Ильмовая падь [5; 34]). Последний этап хуннской культуры, соответствующий годам правления в Китае династии Восточная Хань, Пан Лин связывает с такими памятниками на территории Китая, как Сигоупань и Лицзятаочжы.

Один из наиболее сложных вопросов – степень развития земледелия у хуннов. Еще в советской науке не было однозначного мнения по поводу того, кто занимался земледелием – сами хунну или пленники и иммигранты из Китая. Современные исследования показывают, что земледельческая продукция встречается не только на поселениях со стационарными жилищами, но и на временных стоянках [17]. Изучение человеческих костей по изотопам показывает, что на одних стоянках население в основном использовало мясо-молочные продукты скотоводства, на других пища была смешанной и включала растительную пищу и мясо диких животных [35; 36], а на некоторых памятниках не зафиксировано никаких следов земледелия [37].

Одна из традиционных проблем, связанных с историей изучения хунну, – вопрос о происхождении государства. Одна из концепций, появившихся в конце XX в., которую высказал Т. Барфилд [38; 39], и суть которой в том, что кочевые империи устанавливались, когда в Китае приходила к власти сильная

династия (6), вызвала немало дискуссий. Ряд исследователей считают, что Т. Барфилд преувеличивает роль внешних факторов, а на самом деле более важными для создания империи были внутренние причины [41; 26; 42].

Однако идеи Т. Барфилда во многом поддерживает концепция П.В. Турчина, основная мысль которой в том, что кочевники и земледельцы оказывали воздействие друг на друга в течение длительного времени. Набеги кочевников предполагали централизацию земледельцев, что, в свою очередь, требовало объединения степняков в более крупные формирования [43; 44. С. 197]. Н.Н. Крадин в нескольких своих работах подробно проанализировал эту концепцию и обоснованность аргументов научных дискуссий по поводу этого вопроса [45]. Он отмечает три обстоятельства: во-первых, циклы в истории Китая действительно есть, во-вторых, циклы подъема и упадка Хунну и Хань действительно почти совпадают, в-третьих, Т. Барфилд не учел того обстоятельства, что для степных империй был характерен свой династический цикл – «цикл Ибн-Халдуна» (7), связанный с перепроизводством степной элиты [46]. Именно поэтому, когда он наложился на китайские династические циклы, они первоначально пошли синхронно. Однако впоследствии синхронность старта Хунну и Хань оказалась нарушенной [47].

Один из наиболее спорных вопросов – этническая природа хунну: одни исследователи видят истоки хуннской археологической культуры в населении, оставившем так называемые плиточные могилы на территории Монголии и Забайкалья; другие авторы считают, что истоки хуннской археологической культуры находятся в культурах так называемых ордосских бронз, складывавшихся примерно с XIII в. до н.э.; третья группа связывает хуннские памятники со скифо-сибирскими [48. С. 114].

Однако современные естественнонаучные исследования краниологических серий говорят о большой разнородности морфологических антропологических черт. Результаты сравнительного черепно-лицевого анализа свидетельствуют, что смешение кавказоидных и монголоидных началось на территории Монголии еще в эпоху неолита и продолжалось до монгольских нашествий. При этом результаты костного анализа показывают близость ДНК хунну и современных монголов [49]. Одни ученые склоняются к мнению, что хунну, скорее, пришли на территорию Монголии с Запада, а не с Востока [50; 51]. Другие авторы, соглашаясь с тем, что хотя количество контактов в западном направлении фиксируется больше, чем в восточном, тем не менее склонны связывать происхождение хунну с коренными жителями монгольских степей, по всей видимости, носителями культуры плиточных могил (8). Итак, Хунну была полиэтнической и многоязычной кочевой империей. По данным физической антропологии, если хунну Центральной и Западной Монголии близки к культурам тюркского круга, то хунну из Восточной Монголии имеют много сходства с хунну Забайкалья и сяньби [49].

Одним из направлений исследования хунну в настоящее время стала биологическая характеристика представителей этой группы из разных частей ее

ареала, как стандартными методами физической антропологии, так и методами палеогенетики. Предварительным итогом таких исследований стало исследование серии образцов митохондриальной ДНК (мтДНК) представителей хунну Забайкалья и их интерпретация в терминах генетических взаимоотношений хунну с населением других регионов Евразии.

С целью выявления возможных направлений генетических контактов хунну Забайкалья был проведен филогеографический анализ вариантов мтДНК (анализ распространения вариантов мтДНК в генофондах современных коренных популяций различных регионов Евразии). Среди проанализированных образцов, типичных для генофондов аборигенных популяций Южной Сибири (включая Забайкалье) и Центральной Азии, есть группа образцов, которые в наибольшей степени присущи генофондам современного коренного населения южных областей Китая и другим группам населения Юго-Восточной Азии [52. С. 224].

Заключение. Таким образом, введение в научный оборот подробного обзора материалов по археологии Восточной и Центральной Азии в настоящее время сопровождается детальным ознакомлением с основными выводами археологов по ключевым проблемам ранней истории региона и его древних культур, их теоретическими обобщениями, общеисторическими построениями и концепциями. Наиболее актуальные исследования в настоящее время посвящены проблемам хуннской хронологии, степени развития земледелия у хуннов и вопросу о происхождении государства.

Другой важный аспект современных исследований – этническая природа хунну, поскольку естественнонаучные материалы свидетельствуют о большой разнородности морфологических антропологических черт. По данным физической антропологии, если хунну Центральной и Западной Монголии близки к культурам тюркского круга, то хунну из Восточной Монголии имеют много сходства с хунну Забайкалья и сяньби.

Степень обеспеченности фактическим материалом, достижения отечественной и зарубежной науки дают возможность выделить в истории народов Сибири новые аспекты культурного, хозяйственного и этнического развития хунну и их роли в становлении китайско-центральноазиатских контактов. Хотя во взаимоотношениях зоны земледелия (Китая) с кочевыми районами (Сибири) материальный и духовный аспекты культуры воспринимались параллельно, но материальная культура при контактах проявлялась более наглядно и особо привлекала внимание соседей. Это проявилось в процессах взаимообмена, подражания или заимствования отдельных черт культуры – искусства, ремесла, одежды, питания, жилища, транспортных средств и т.д. Все эти аспекты в полной мере проявились в отношениях Китая со своими северными соседями – хуннскими племенами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В 1996 г. в Улан-Удэ проведен международный интер-конгресс WAC (World Archaeological Congress) «Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». В 2008 г. в Монголии Боннским университетом (Германия) совместно с Фондом изучения Шелкового пути (Silk Road Foundation) в Улан-Баторе была организована Международная конференция по хуннской археологии. Наконец, в 2011 г. в Улан-Баторе состоялась международная конференция «Империя Хунну и изучение древнемонгольской истории», посвященная 2220-летию создания империи Хунну. К этому сроку издан большой цветной альбом уникальных археологических находок на монгольском и английском языках [4].
- (2) Эта методика предполагает тотальное обследование больших территорий и тщательную фиксацию всех находок с помощью GPS (Global Positioning System).
- (3) В долине реки Эйгин-гол [14; 15; 16; 17; 18], в горах Бага-Газарын-Чулуу в Дундговь аймаке, в долине р. Хануйн-гол и др. [19].
- (4) В Китае первоначально хуннские погребения идентифицировались под влиянием письменных источников: раз на территории должны были в древности кочевать хунну, значит это – хуннские археологические памятники [26. Р. 39]. Впоследствии эти теории были пересмотрены и исследователи пришли к выводу, что многие памятники, которые считались раннехуннскими (например, Алучжайдэн или Сигоупань), относятся к более древнему времени [27; 28].
- (5) Сходство между хуннскими погребениями у д. Даодуньцзы и памятниками культуры скифского времени Северного Китая прослеживается в погребальном обряде: устройстве могил, положении погребенного, наличии костей коров, овец, лошадей, баранов, наличие в большом количестве (689 экз.) монет у шу, лаковых изделий, некоторых форм керамики, изображений сцен борьбы драконов и черепах на поясных пластинах. Но один из главных признаков погребального обряда сюнну – деревянные гробы – встречается далеко не всегда [30. С. 102].
- (6) Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия; Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй и Тан. Такая циклическая структура повторялась трижды в течение двух тысяч лет: от хунну до жужаней, от тюрков до гибели Юань и от Мин до Синьхайской революции [40].
- (7) Ибн Халдун (1332–1406) высказал идею о цикличности истории. От сельской кочевой формы жизни к городской, которая постепенно сама себя изживает роскошью и неспособностью себя защитить. Всего в развитии государства выделяет пять фаз. На последней наступает старость правящей царской династии. Чаще всего гибель государства наступает в результате нашествия племен, которые до этого вели суровый кочевой образ жизни. Средняя продолжительность жизни династии – 120 лет. Племена завоевывают города потому, что стремятся к покою и удобству городской жизни. И все продолжается по кругу.
- (8) Связь с доисторическим населением, проживавшим на территории современного Китая, отрицается.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ramseyer D., Pousaz N., Turbat Ts. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia. Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on “Archeological Research in Mongolia” (Ulaanbaatar. August 19th–23rd 2007) / eds. J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology 4. 2009. P. 231–240.
- [2] Giele E. Evidence for the Xiongnu in Chinese Wooden Documents from the Han Period // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology 5 / eds. U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. S. 114–134.
- [3] Leus P.M. New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 515–536.
- [4] Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. (Хүннүгийн өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү гүрний соёл). Ulaanbaatar, 2011.
- [5] Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008.
- [6] Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб: СПбГУ. 2007.
- [7] Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: тез. докл. Ч. I. Улан-Удэ, 1996. С. 58–63.
- [8] Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник / Археологические памятники сюнну. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996.
- [9] Lee Ch., Linhu Z. Xiongnu Population History in Relation to China, Manchuria, and the Western Regions. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 193–200.
- [10] Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну. СПб.: СПбГУ, ИИМК РАН, 2009.
- [11] Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 539–558.
- [12] Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006. С. 242–258.
- [13] Харинский А.В., Коростелев А.М. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 173–202.
- [14] Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Landscape and politics: A comparative analysis of Xiongnu and Uighur period organization in the Egiin Gol Valley of Mongolia // Археологийн судлал XXIII. 2005. P. 54–87.

- [15] *Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* Death and Social Process Among the Ancient Xiongnu of Mongolia. Xiongnu, the First Empire of the Steppes: Archaeological Research of its Tombs. Seoul: National museum of Korea, 2007. P. 134–153.
- [16] *Honeychurch W., Wright J., Amartuvshin C.* Nested Approach to Survey in the Egiin Gol Valley, Mongolia // *Journal of Field Archaeology* 32. 2007. P. 369–383.
- [17] *Wright J., Honeychurch W., Amartuvshin C.* The Xiongnu Settlements of Egiin Gol, Mongolia // *Antiquity*. 2009. № 83. P. 372–387.
- [18] *Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* An examination of Khunnu period settlement in the Egiin Gol Valley, Mongolia // *Археологийн судлал XXI*. 2011. P. 59–65.
- [19] *Houle J.-L., Broderick L.G.* Settlement Patterns and Domestic Economy of the Xiongnu in Khanui Valley, Mongolia. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. by U. Brosseder and B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 137–152.
- [20] *Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S.* Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 303–314.
- [21] *Miller B., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C.* A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002–2005) // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. 2006. № 2 (2). P. 1–21.
- [22] *Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Tsevendorzh D., Erdere-Ochir N.* The burial construction of Noin Ula mound 20, Mongolia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2008. № 2. P. 77–87.
- [23] *Миняев С.С., Сахаровская Л.М.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // *Российская археология*. 2007. № 1. С. 159–166.
- [24] *Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В.* Черепица из хуннского городища Тэрэрэлжин Дэрэвэлжин (Центральный аймак Монголии) // *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история* / отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. С. 30–51.
- [25] *Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O.* An Unlooted Elite Xiongnu Barrow at Khokh Uzuuriin Dugui-II, Bulgan Sum, Khovd Aimag, Mongolia: Relative Chronological Dating and its Significance for the Study of Xiongnu Burial Rites. Preliminary Report. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 291–302.
- [26] *Di Cosmo N.* Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- [27] Исследование археологической культуры северных регионов – от эпохи бронзы до раннего железного века. Běifāng cǎoyuán kāogǔ xué wénhuà yánjiū – qīngtóng shídài zhì zǎoqí tiěqì shídài. Пекин, 2007.
- [28] Исследование археологической культуры северных регионов – от эпохи бронзы до раннего периода гуннов. Běifāng cǎoyuán kāogǔ xué wénhuà bǐjiào yánjiū – qīngtóng shídài zhì zǎoqí xiōngnú shíqí. Кэхе, 2008.
- [29] *Pan Ling.* A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011.

- [30] *Полосмак Н.В.* Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.
- [31] *Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Tsevendorzh D., Erdere-Ochir N.* The burial construction of Noin Ula Mound 20, Mongolia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2008. № 2. P. 77–87.
- [32] *Yun Hyeung-Won, Chang Eun-Jeong.* Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 261–274.
- [33] *Миняев С.С.* Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 49–58.
- [34] *Коновалов П.Б.* Элитный погребальный комплекс на Суджинском некрополе хунну в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 4. Улан-Удэ: БГУ, 2010. С. 199–211.
- [35] *Machicek M.L.* Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 2011. P. 173–180.
- [36] *Nelson A., Amartuvshin Ch., Honeychurch W.* A Gobi mortuary site through time: bioarchaeology at Baga Mongol, Baga Gazaryn Chuluu. *Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” (Ulaanbaatar. August 19th–23rd 2007)* / eds. J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology 4. 2009. P. 565–578.
- [37] *Houle J.-L.* Socially integrative facilities’ and the emergence of societal complexity on the Mongolian Steppe. *Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals, and Mobility* / eds. B. Hanks and K. Linduff. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 358–377.
- [38] *Barfield T.J.* The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / ed. S. E. Alcock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 10–41.
- [39] *Васютин С.А.* К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. № 10 (1). С. 34–39.
- [40] *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1992.
- [41] *Di Cosmo N.* State Formation and Periodization in Inner Asian History // *Journal of World History*. 1999. № 10 (1). P. 1–40.
- [42] *Scheidel W.* The Xiongnu and the Comparative Study of Empire. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 111–120.
- [43] *Turchin P.* Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003.
- [44] *Turchin P.* Theory for formation of large empires // *Journal of Global History*. 2009. № 4. P. 191–217.

- [45] *Крадин Н.Н.* Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. Соч. Т. 9. История народа хунну. Ч. 1. М.: ДИ-ДИК, 1998. С. 416–444.
- [46] *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002.
- [47] *Kradin N.N.* North and South in the Dynamics of Inner Asia: the Movement of Peoples, Empires, and Technologies. III Northern Archaeological Congress: papers / ed. A.V. Golovnev. Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: Izdatnaukaservis, 2010. P. 237–266.
- [48] *Крадин Н.Н.* Актуальные проблемы археологии хунну // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 1 (5). С. 108–123.
- [49] *Tumen D.* Linguistic, Cultural, and Morphological Characteristics of Mongolian Populations // Circumpolar Ethnicity and Identity / eds. T. Irimoto, T. Yamada. Osaka: National Museum of Ethnology, 2004. P. 309–324.
- [50] *Vovin A.* Did the Xiongnu Speak a Yeniseian Language? // *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. № 1. P. 87–104.
- [51] *Kim K., Brenner Ch. H., Mair V. H. et al.* A Western Eurasian Male is found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. № 142 (3). P. 429–440.
- [52] *Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А.* Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 222–225.

REFERENCES

- [1] *Ramseyer D., Pousaz N., Turbat Ts.* The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia. Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on “Archeological Research in Mongolia” (Ulaanbaatar. August 19th–23rd 2007) / eds. J. Bemmman, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology 4. 2009. P. 231–240.
- [2] *Giele E.* Evidence for the Xiongnu in Chinese Wooden Documents from the Han Period // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn Contributions to Asian Archaeology 5 / eds. U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. S. 114–134.
- [3] *Leus P.M.* New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Vol. 5. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 515–536.
- [4] *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia.* (Хүннүгийн өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү гүрний соёл). Ulaanbaatar, 2011.
- [5] *Kononov P.B.* *Usypal'nitsa khunnskogo knyazu v Sudzhi* (Ильмовая пад', Забайкалье). Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2008.
- [6] *Minyayev S.S.* *Dyrestuyskiy mogil'nik*. SPb: SPbGU. 2007.
- [7] *Kononov P.B.* О происхождении и ранней истории хунну // *Mezhdunarodnaya konferentsiya «100 let gunnskoj arkheologii. Nomadizm – proshloye, nastoyashcheye v global'nom kontekste i istoricheskoy perspektive. Gunnskiy fenomen»*: tez. dokl. CH. I. Ulan-Ude, 1996. С. 58–63.

- [8] *Davydova A.V.* Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. T. II. Ivolginskiy mogil'nik / Arkheologicheskiye pamyatniki syunnu. Vyp. 2. SPb.: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1996.
- [9] *Lee Ch., Linhu Z.* Xiongnu Population History in Relation to China, Manchuria, and the Western Regions. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 193–200.
- [10] *Savinov D.G.* Minusinskaya provintsiya khunnu. SPb.: SPbGU, IIMK RAN, 2009
- [11] *Tishkin A.A.* Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 539–558.
- [12] *Kovychev Ye.V.* Nekotoryye voprosy etnicheskoy i kul'turnoy istorii Vostochnogo Zabaykal'ya v kontse I tys. do n.e. – I tys. n.e. // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy. Vyp. 4. Irkutsk, 2006. С. 242–258.
- [13] *Kharinskiy A.V., Korostelev A.M.* Zapadnoye poberezh'ye oz. Baykal v khunnskoye vremya (po materialam mogil'nika Tsagan Khushun-II) // Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdeniye kul'tury, etnicheskaya istoriya / otv. red. P.B. Konovalov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2011. S. 173–202.
- [14] *Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* Landscape and politics: A comparative analysis if Xiongnu and Uighur period organization in the Egiin Gol Valley of Mongolia // Археологийн судлал XXIII. 2005. P. 54–87.
- [15] *Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* Death and Social Process Among the Ancient Xiongnu of Mongolia. Xiongnu, the First Empire of the Steppes: Archaeological Research of its Tombs. Seoul: National museum of Korea, 2007. P. 134–153.
- [16] *Honeychurch W., Wright J., Amartuvshin C.* Nested Approach to Survey in the Egiin Gol Valley, Mongolia // Journal of Field Archaeology 32. 2007. P. 369–383.
- [17] *Wright J., Honeychurch W., Amartuvshin C.* The Xiongnu Settlements of Egiin Gol, Mongolia // Antiquity. 2009. № 83. P. 372–387.
- [18] *Honeychurch W., Amartuvshin Ch.* An examination of Khunnu period settlement in the Egiin Gol Valley, Mongolia // Археологийн судлал XXI. 2011. P. 59–65.
- [19] *Houle J.-L., Broderick L.G.* Settlement Patterns and Domestic Economy of the Xiongnu in Khanui Valley, Mongolia. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. by U. Brosseder and B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 137–152.
- [20] *Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S.* Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 303–314.
- [21] *Miller B., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C.* A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002–2005) // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 2006. № 2 (2). P. 1–21.
- [22] *Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Tsevendorzh D., Erdere-Ochir N.* The burial construction of Noin Ula mound 20, Mongolia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2008. № 2. P. 77–87.

- [23] *Minyayev S.S., Sakharovskaya L.M.* Elitnyy kompleks zakhoroneniya syunnu v padi Tsaram // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2007. № 1. S. 159–166.
- [24] *Danilov S.V., Simukhin A.I., Tsydenova N.V.* Cherepitsa iz khunnskogo gorodishcha Terelzhin Derevelzhin (Tsentral'nyy aymak Mongolii) // *Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdeniye kul'tury, etnicheskaya istoriya* / otv. red. P.B. Konovalov. Ulan-Ude: BNTS SO RAN, 2011. S. 30–51.
- [25] *Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O.* An Unlooted Elite Xiongnu Barrow at Khokh Uzuuriin Dugui-II, Bulgan Sum, Khovd Aimag, Mongolia: Relative Chronological Dating and its Significance for the Study of Xiongnu Burial Rites. Preliminary Report. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 291–302.
- [26] *Di Cosmo N.* Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- [27] Issledovaniye arkheologicheskoy kul'tury severnykh regionov – ot epokhi bronzy do ranego zheleznogo veka. Běifāng cǎoyuán kāogǔ xué wénhuà yánjiū – qīngtóng shídài zhì zǎoqí tiěqì shídài. Pekin, 2007.
- [28] Issledovaniye arkheologicheskoy kul'tury severnykh regionov – ot epokhi bronzy do ranego perioda gunnov. Běifāng cǎoyuán kāogǔ xué wénhuà bǐjiào yánjiū – qīngtóng shídài zhì zǎoqí xiōngnú shíqí. Kekhe, 2008.
- [29] *Pan Ling.* A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011.
- [30] *Polos'mak N.V.* Nekotoryye analogii pogrebeniyam v mogil'nikе u derevni Daodun'tszy i problema proiskhozhdeniya syunnuskoy kul'tury // *Kitay v epokhu drevnosti*. Novosibirsk, 1990. S. 101–107.
- [31] *Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Tsevendorzh D., Erdere-Ochir N.* The burial construction of Noin Ula Mound 20, Mongolia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2008. № 2. P. 77–87.
- [32] *Yun Hyeung-Won, Chang Eun-Jeong.* Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 261–274.
- [33] *Minyayev S.S.* Elitnyy kompleks syunnuskikh zakhoroneniya v padi Tsaram (Zabaykal'ye) // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*. 2009. № 2 (38). S. 49–58.
- [34] *Konovalov P.B.* Elitnyy pogrebal'nyy kompleks na Sudzhinskom nekropole khunnu v Zabaykal'ye // *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri / Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'ye v drevnosti*. Vyp. 4. Ulan-Ude: BGU, 2010. S. 199–211.
- [35] *Machicek M.L.* Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 2011. P. 173–180.
- [36] *Nelson A., Amartuvshin Ch., Honeychurch W.* A Gobi mortuary site through time: bioarchaeology at Baga Mongol, Baga Gazaryn Chuluu. *Current Archaeological Research in Mongolia: papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” (Ulaanbaatar. August 19th–23rd 2007)* / eds. J. Bemann, H. Par-

- zinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh. Bonn: Bonn Contributions to Asian Archaeology 4. 2009. P. 565–578.
- [37] Houle J.-L. Socially integrative facilities' and the emergence of societal complexity on the Mongolian Steppe. *Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals, and Mobility* / eds. B. Hanks and K. Linduff. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 358–377.
- [38] Barfield T.J. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / ed. S. E. Alcock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 10–41.
- [39] Vasyutin S.A. К вопросу о взаимодеевствии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «bipolyarnogo mira» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Историја, филология. 2010. № 10 (1). С. 34–39.
- [40] Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1992.
- [41] Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // *Journal of World History*. 1999. № 10 (1). P. 1–40.
- [42] Scheidel W. The Xiongnu and the Comparative Study of Empire. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 111–120.
- [43] Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003.
- [44] Turchin P. Theory for formation of large empires // *Journal of Global History*. 2009. № 4. P. 191–217.
- [45] Kradin N.N. Sovremennyye problemy khunnologii // Gumilev L.N. Soch. T. 9. Istoriya naroda khunnu. CH. 1. M.: DI-DIK, 1998. S. 416–444.
- [46] Kradin N.N. Imperiya Khunnu. 2-ye izd. M.: Logos, 2002.
- [47] Kradin N.N. North and South in the Dynamics of Inner Asia: the Movement of Peoples, Empires, and Technologies. III Northern Archaeological Congress: papers / ed. A.V. Golovnev. Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: Izdatnaukaservis, 2010. P. 237–266.
- [48] Kradin N.N. Aktual'nyye problemy arkheologii khunnu // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 1 (5). С. 108–123.
- [49] Tumen D. Linguistic, Cultural, and Morphological Characteristics of Mongolian Populations // *Circumpolar Ethnicity and Identity* / eds. T. Irimoto, T. Yamada. Osaka: National Museum of Ethnology, 2004. P. 309–324.
- [50] Vovin A. Did the Xiongnu Speak a Yeniseian Language? // *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. № 1. P. 87–104.
- [51] Kim K., Brenner Ch. H., Mair V. H. et al. A Western Eurasian Male is found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. № 142 (3). P. 429–440.
- [52] Pilipenko A.S., Polos'mak N.V., Konovalov P.B., Zhuravlev A.A. Genofond mitokhondrial'noy DNK khunnu Zabaykal'ya // *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. T. XVII. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. S. 222–225.

**CURRENT ISSUES OF XIONGNU HISTORY
IN THE RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCHES
LATE XX – EARLY XXI CENTURY**

E.B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Leninskiy Prospekt, 32 A, Moscow, Russia, 119991

The article is a survey of studies of Russian and foreign authors of the end of XX – beginning of XXI century, of some topical issues of history Xiongnu. If earlier the aspects of development Xiongnu were considered in connection with their role in the formation of the Scythian-Siberian art, but now at the forefront of research to their role in the development of Sino-Central Asian contacts. The most detailed being developed problem of Hun history, degree of development of agriculture in the Huns, the question of the origin of the state, the ethnic nature of the Xiongnu, the biological characteristics of this group. Modern research is conducted by the standard methods of anthropology and methods paleogenetics. The research results indicate that the mixing of Caucasian and Mongoloid started in Mongolia in the Neolithic and continued until the Mongol invasions. Materials obtained as a result of academic expeditions of the late XX – early XXI century and theoretical studies of Russian and foreign scientists have revealed new aspects of the cultural, economic and ethnic development of the Xiongnu and their role in the development of Sino-Central Asian contacts.

Key words: Xiongnu, Central Asia, China, historiography

Об авторе:

Баринова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН
E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-169-183

«ТАТАРСКАЯ МОСКОВИЯ»: КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ф.А. Асадуллин

Институт Востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

В статье исследуется влияние Золотой Орды на различные аспекты жизни русских княжеств. Автор обращает внимание, что одним из главных принципов строительства Московского государства стали этническая и религиозная терпимость. Хану Узбеку принадлежит особая роль в содействии возвышению Москвы как церковной столицы формирующегося Русского государства. Выданный митрополиту Феогносту в 1326 г. ханский ярлык послужил толчком становления в Москве православной духовной традиции и многовековой деятельности первосвященников Русской Православной Церкви.

После смуты в Золотой Орде в середине XIV столетия усиливается интенсивность ордынской миграции в Москву. Из числа татарской аристократии формировался особый социальный слой служилых татар, которые через обряд крещения и постепенно ассимилируясь с русским этносом вливались в состав московского населения. Сильное влияние ордынского начала мы находим в организации военного дела, фискальной системы, ямской (транспортной) службы, делопроизводства и дипломатического протокола, некоторых поведенческих стереотипах, деталях быта и одежды, царских регалиях. Кроме того, в статье указывается на богатство московской топонимики, имеющей тюркское или арабское происхождение.

В послеордынский период ислам и связанный с ним образ жизни еще продолжительное время прямо и косвенно играли заметную роль в жизни столицы и всего Московского государства, которое после падения Византии в 1453 г. и образования Османской империи оказалось в окружении мусульманских государств. Этот фактор во многом предопределил формирование внешнеполитических приоритетов государства.

Ключевые слова: мусульманская община Москвы, татарская община, ислам, православие, Золотая Орда

Введение. Завоевание в середине XIII в. Владимирского и других княжеств Северо-Восточной Руси Золотой Ордой (или по собственному названию – Улус Джучи) открыло новый период в истории формирующегося Российского государства, который по классификации выдающегося русского мыслителя Н.А. Бердяева (род Бердяевых происходит от тюркского имени Берди, т.е. «подаренный») получил название «татарского» [1].

Золотая Орда, основным этническим субстратом которой были тюркоязычные степные народности (преимущественно кипчаки), представляла собой развитое и передовое для своего времени государство, границы которого простирались от Каспия до Новгорода. Преемники Чингис-хана (ум. 1227 г.), его сын Джучи, а затем Батый, которого сменили Берке и Узбек, заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений: титулом «царь» на Руси стали именовать ханов Золотой Орды [2. С. 164]. Начало этой традиции было положено владимирским князем Александром Невским (1221–1263), который сделал ставку на союзнические отношения с сарайскими ханами. Тюрко-славянское двоемирие, воплощенное в личности Александра Невского, – следствие его воспитания в Золотой Орде, где состоялось его братание с сыном хана Батыя Сартаком. Именно из рук Сартака он получил ярлык на великое княжение Владимирское. Эти обстоятельства вводили его как пасынка ордынского хана в ближайший круг сарайских царедворцев. Именно в «татарский период», в 70-х гг. XIII в., Московское княжество выделилось в самостоятельное: его получил в наследство младший сын Александра Невского Даниил (1261–1303), родоначальник московской княжеской династии. Одновременно начинается постепенное превращение Москвы из удельного города в центр Северо-Восточной Руси, жители которого считались подданными ханов. По известной оценке Н.М. Карамзина, потомка одного из ногайских родов «черного Мурзы», «Москва обязана своим величием ханам» [3. С. 429].

Чтобы понять истинный смысл этих слов, необходимо вспомнить, с каким общественно-политическим «багажом» подошла Русь к новому историческому рубежу: за период с середины XI по начало XIII вв., чуть менее века, а именно: 80 лет прошло в череде кровавых междоусобиц удельных князей за великокняжеский престол, за право называться великим князем. «В крамолах княжеских век человечий сокращался, – читаем мы в “Слове о полку Игореве”. – Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы себе деля» [4. С. 37].

Исследование проблемы. Включение Северо-Восточной Руси в состав Золотой Орды если и не остановило эти распри (взаимные интриги, например, московских и тверских князей продолжались еще долго, вплоть до XV в.), то, по крайней мере, обуздало, как отмечает Э.С. Кульпин, «деградацию нравов и массовое безумие», царившие в домонгольской Руси [5. С. 21, 22].

Ярким свидетельством включенности Руси в общую экономическую и финансовую систему Золотой Орды являются пришедшие в русский язык разными путями татарские заимствования: алтын, деньги, казна/казначей, магарыч, батрак, ямщик, таможня, маклак в значении посредник при купле-продаже, кабала в значении заемного документа и т.д. и т.п., о происхождении которых сегодня уже никто не задумывается.

Не идеализируя Орду, представлявшую собой типичный образец восточной средневековой деспотии со всеми вытекающими из этого последствиями

(феодалный гнет, грабительская эксплуатация, политическая и социальная нестабильность и проч.), а также осознавая всю сложность для русского сознания феномена монгольского нашествия (что оставляет для ученых постоянную возможность рассуждений об упущенной исторической альтернативе, например, полицентричного развития Руси), отметим, что именно в это время были заложены все необходимые предпосылки (единственно возможные в то время) образования будущего российского государства, центром которого стала Москва.

С установлением отношений вассальной зависимости между Сараем, где располагался высший апелляционный орган Орды, и Русью роль удельных князей стала заключаться прежде всего в собирании различных налогов – ясака (дани), тамги (торговой пошлины), сусуна и улуфа (корма и питья), конака (гостевой пошлины, дара), кулуш-колтка (чрезвычайного сбора по требованию хана), хараджа (подушный и поземельный налог). Больше других в этом преуспели сыновья первого московского князя Даниила Юрий (1281–1325) и сменивший его Иван (1282–1340), прозванный Калитой. В реалиях того времени тюркское слово «калта» означало небольшую поясную денежную суму. Это совпало с окончательной победой в Орде исламской партии во главе с «наиболее выдающимся ханом XIII в.» Узбеком (1312) [6. С. 77] и закрепления начатого Берке курса на исламизацию не только властной элиты, но и общественной жизни улуса в целом.

Претензиям князя Юрия на право быть приближенным к Орде, откуда он вернулся в 1317 г. после четырехлетнего пребывания, во многом помог династический брак с сестрой хана Узбека Кончакой (в крещении Агафьей), благодаря чему он был удостоен великокняжеского ярлыка – особой инвеституры на владение владимирским великокняжеским престолом. Вместе с князем в Москву прибыл высокопоставленный ордынский военачальник Кавгадый с войском, в котором было много татар. По мнению В.А. Кучкина, Кавгадый являлся ханским наместником Булгара [7. С. 50].

Характеризуя деятельность Ивана Калиты, академик Л.В. Черепнин писал: «...Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью. Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации» [8. С. 512–513].

В этих новых исторических обстоятельствах одними из главных принципов строительства московского государства стали этническая и религиозная терпимость. «В Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам, – пишет Л.Н. Гумилев. – Калита и его наследники принимали на службу и татар, и православных литовцев, и простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле» [2. С. 179].

В этой связи важно обратить внимание на находки в Кремле в ходе археологических раскопок летом 2007 г. в Тайницком саду двух берестяных грамот.

Одна из них имеет прямое отношение к кремлевскому жителю по имени Тураб или Турабей, жившему на рубеже XIV–XV вв. Она содержит описание его имущества.

По мнению главного археолога Кремля Т. Пановой, Турабей мог быть крещеным татаринном [9], хотя, на взгляд автора, в свете усиления роли исламского фактора в жизни улуса того времени перемены веры могло и не быть. Терпимость в вопросах веры в то время была под двойным контролем как со стороны ордынских ханов, так следовавших в фарватере ордынской политики московских князей, которым (как «верным улусникам» – так себя именовал Иван Калита) важно было сохранить свое привилегированное положение и благожелательность со стороны татарских сюзеренов. К этому надо добавить, как считает дореволюционный историк В.Г. Тизенгаузен, «монголы» (татары) были частично христианами, а частично мусульманами» [10. С. 306]. Крещение как обязательное условие поступления на московскую службу было узаконено позднее, с упадком Орды и постепенным нивелированием исламского фактора в жизни Московского царства.

По мнению известного исследователя Р.Г. Ланды, «парадоксальным образом укрепление ислама в Орде сопровождалось укреплением православия на Руси» [11. С. 43], что способствовало воспроизводству основанных на нем традиционных социокультурных структур. Ислам, если вспомнить его основополагающие богословские принципы, предполагает терпимое отношение к «людям Писания» («ахлюль-китаб») – христианам и иудеям при условии их политической лояльности и уплаты подушной подати – «джизьи», которая в сознании ордынских улемов могла трансформироваться в форму регулярно собираемой дани или могла стать ее религиозным обоснованием. К тому же чингизиды-мусульмане в проводимой ими государственной политике не могли не знать об известном исламском установлении «нет принуждения в религии» (Коран, 2:256), что также служило гарантией неприкосновенности христианского населения Москвы. Даже в более поздние времена, когда заработал механизм тотальной христианизации татарского населения, естественное стремление остаться в лоне своей веры вызвало к жизни распространенную в средневековом исламе практику «ат-такийя» («благоразумное сокрытие своей веры», позволяющая верующему в случае опасности или угрозы для его жизни формально отказываться от своих убеждений). Следствием этого стало образование особой группы крещеного татарского населения – «криптомусульман», которые внешне, согласно навязанному религиозному выбору, были христианами, но на самом деле тайно, следуя исконной духовной традиции, исповедовали ислам (1).

О значении исламской духовной традиции в жизни средневековой России говорит и то, что вплоть до начала XVIII в. на посланиях московских государей мусульманским правителям был по-арабски начертан коранический фрагмент «би-инайати-Рабби-л-аламин» – «милостью Владыки миров» [12. С. 254, 256].

Хану Узбеку принадлежит особая роль в содействии возвышению Москвы как церковной столицы формировавшегося Русского государства. Выданный митрополиту Феогносту в 1326 г. ханский ярлык послужил толчком становления в Москве православной духовной традиции и многовековой деятельности первосвященников Русской Православной Церкви. «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею, – писал Н.М. Карамзин, – было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церкви и ее служителям; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов, снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Хань под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали, народ жаловался на скудость, а иноки богатели» [13. С. 429].

«Величие ханов», которое отмечал Карамзин, подразумевало их веротерпимость – явление совершенно нетипичное, скажем, для средневековой Европы, где царствовали мрачные времена католической инквизиции. Принцип «*cuius regio elus religio*» – «кто владеет страной, тот определяет религию», распространенный в средневековой Европе, в Улусе действовал очень условно. Защищая религиозные интересы всех своих подданных, Орда не стремилась к прозелитизму и тем более, как мы уже отмечали, к конфессиональной унификации на основе исламского вероучения, за которым в период правления самого могущественного ордынского хана Узбека (1312–1342) были закреплены prerogative государственной религии. Известный церковный историк и богослов Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1816–1882), в своем фундаментальном труде «История русской церкви» не раз подчеркивает эти особенности правления ордынских ханов и приводит показательный для того времени документ.

«Все чины православной церкви и все монахи, – читаем в указе хана Узбека, – подлежат лишь суду православного митрополита, а не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню – тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога!» [14. С. 414].

Отдельная страница ордынского присутствия в Москве связана с событиями так называемой «великой замятни» – смуты в Золотой Орде, которая началась после смерти последнего из ее могущественных правителей хана Бердибека в 1359 г. и закончилась падением Большой Орды в 1502 г.

Если до второй половины XV в. присутствие в Москве представителей «алтан уруг» («золотого рода») – Чингизидов было эпизодическим (за ис-

ключением потомства Тохтамыша), то к концу XV в., после образования Казанского ханства (1438 г.), выезд в Москву свергнутых татарских ханов или непризнанных царевичей и их многочисленной родни – детей и жен из Казани, Крыма, Ногайской Орды и Сибирского ханства – приобрел устойчивый и постоянный характер.

Интенсивность ордынской миграции в Москву при Иване III и особенно Иване IV Грозном поражает воображение, насчитывая несколько сотен персоналий татарской знати [15. С. 484]. Из числа татарской аристократии – мурз, биев, огланов, эмиров и свергнутых ханов – формировался особый социальный слой служилых татар, которые через обряд крещения и постепенно ассимилируясь с русским этносом, вливались как в состав московского городского населения, так и получали в пользование («кормление») такие близлежащие города, как Серпухов, Кашира, Звенигород, Руза. «Государство московское, обязанное при тогдашних обстоятельствах честить и содержать всех этих заезжих гостей, – пишет В.В. Вельяминов-Зернов, – придумало для своего облегчения раздавать им города в удел или в кормление» [16. С. 13].

В этом смысле очень показательна судьба князей Юсуповых, которые ведут свое начало от ногайского бия Юсуфа, умершего в 1555 г. На власть в Ногайской Орде претендовали два сына покойного – Иль-мурза и Ибрагим-мурза, а также их дядя Исмаил. Победа Ибрагима вынудила братьев отправиться в 1563 г. в Москву. Иван Грозный дал братьям в кормление город Романов с уездом (ныне г. Тутаев Ярославской обл.). После восшествия на престол династии Романовых потомки Юсуфа, получив при крещении русские имена и фамилию Юсуповых, сохранили княжеский титул и оказались в числе избранного круга приближенных царя в Москве, а затем императора в Санкт-Петербурге.

Не менее интересна родословная Ростопчиных. О татарском происхождении графа Федора Ростопчина (1765–1826), который в период нашествия французов на Россию был московским генерал-губернатором, повествует такой исторический анекдот. «Как-то император Павел спросил графа:

– Ведь Ростопчины татарского происхождения?

– Точно так, государь, – ответил Ростопчин.

– Как же вы не князья? – уточнил он свой вопрос.

– А потому, что предок мой переселился в Россию зимою. Именитым татарам-пришельцам летним цари жаловали княжеское достоинство, а зимним жаловали шубы» [17].

Даже при очень беглом ознакомлении с Бархатной Книгой родословия русских дворян кроме Юсуповых и Ростопчиных можно найти сотни фамилий, имеющих болгарско-татарское происхождение и принесших славу российскому государству. Среди них: Аракчеев, Бердяев, Бунин, Грибоедов, Державин, Достоевский, Енгаличев, Кантемир, Куприн, Милюков, Плеханов, Панаев, Рахманинов, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Турчанинов, Тимирязев, Тенишев, Шереметьев, Чаадаев и т.д. [18]. «Линия на включение значительно-

го числа татар-мусульман в общую структуру российской государственности, – отмечает М.А. Батунский, – придавала последней гораздо больший, чем в предшествующие века, размах изменчивости... делало ее более типической, полиморфной. Отныне эволюция русского социума становилась мозаичной» [19. С. 121]. В этой эволюции можно обнаружить живую и переходящую связь золотоордынской цивилизации с собственно российской, переход части татарского исторического наследия в лоно принявшей ее русско-русской культуры.

В «татарской Московии» (так иногда именовали Московскую Русь из-за сильных позиций татарской политической элиты – мурз и биев) социальная престижность всего ордынского, в том числе прямо или косвенно связанного с исламом, имела почти повсеместный характер. Это нашло отражение, как хорошо известно из историографии, в организации военного дела, фискальной системы, ямской (транспортной) службы, делопроизводства и дипломатического протокола, некоторых поведенческих стереотипах, деталях быта и одежды, царских регалиях, а также известной практике «аманатов» – пребывания княжеских детей в Сарае при ханском дворе, их обучения ордынскому политесу, включая язык. Пример Александра Невского, проведшего несколько лет в Золотой Орде и ставшего побратимом сына Батыея – Сартака, вполне убедителен.

Литературные памятники вроде знаменитого «Хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (или, как он себя называет по-мусульмански, «хозя Юсуф Хорасани») дают основание предположить, что древнетюркский язык на Руси играл в то время куда более значительную роль, являясь фактически *lingva franca*, нежели позднее, в XVIII–XIX вв. в русском обществе занимал французский, сфера бытования которого ограничивалась только представителями сравнительно узкого круга русского дворянства.

Не стоит удивляться тому, что Иван Грозный, чингизид по материнской линии (литовской княжны Елены Васильевны Глинской), в общении со своим ближайшим родственником, касимовским царем Саином-Булатом (более известном после крещения в 1573 г. как Симеон Бекбулатович) мог не только потюркски «карашеваться» (здороваться), но и наравне с русским использовать близкий для них обоим татарский язык [20. С. 156].

За два с половиной века ордынского правления Русь не столько потеряла (на что, как правило, категорично и необоснованно делают упор некоторые современные авторы школьных и вузовских учебников по отечественной истории, ссылаясь на «катастрофические последствия» татарского ига как главной причины отставания России от Запада), сколько приобрела в плане накопления необходимого внутреннего ресурса и укрепления жизнестойкости для дальнейшего самобытного исторического развития и создания жизнеспособной модели нового многонационального государства [21]. Татарская Орда стала «повивальной бабкой» будущего российского государства с его

уникальной тюрко-славянской культурой и доминирующим влиянием восточнохристианской религиозной традиции.

Говоря о высокой культуре Московской Руси, Н.А. Бердяев особо подчеркивал, что это была «культура христианизированного татарского царства» [22. С. 72]. Подтверждением этого тезиса может служить и авторитетное мнение В.В. Бартольда, который полагал, что обретение после завоевания Казани (1552 г.) и Астрахани (1555 г.) имперского статуса Иваном Грозным – белый царь хан – связано с ордынским происхождением этого титула, а именно «татарской государственной идеей» [23. С. 430].

«Во второй половине XVI в., когда шапка казанских ханов была перенесена в Москву и стала одним из символов русской царской власти, – пишет современный историк М.Б. Плюханова, – могли быть перенесены и казанские “царские” сюжеты и символы» [24. С. 162]. В «Казанской истории» – беллетризованной исторической повести-сказании, созданной сразу после взятия Казани и рассказывающей о трехвековой истории русско-татарских отношений, прославление Москвы и Московского царства рассматриваются на фоне сочувственного отношения к казанцам и их «сарацинской вере». Регалии царственного града Казани как источника русского «царения» наследует Москва Ивана Грозного, чьи претензии на царский титул после Казанского похода получают полную и законченную легитимность [25].

История Москвы сумела сохранить богатую топонимику улиц и поселений, основанных представителями ордынской аристократии и имеющих тюркское или арабское происхождение. Прежде всего это касается бывшей Татарской слободы, расположенной в Замоскворечье, память о которой хранят два Татарских переулка – Большой и Малый, а также две Татарские улицы – Большая и просто Татарская. Рядом с ними (в непосредственной близости от станций метро «Третьяковская» и «Новокузнецкая») расположены три Толмачевских переулка – Большой, Малый и Старый, где жили толмачи – устные переводчики с тюркских и других восточных языков. Большой Толмачевский переулок соединяется с Большой Ордынкой – улицей, возникшей в XIV в. на дороге, уходящей на юго-восток, на Нижнюю Волгу, в Золотую Орду, к ее столице – Сараю. В Замоскворечье можно найти и следы Крымского подворья, просуществовавшего около трех с половиной столетий (1443–1783) – Крымский вал, Крымский мост, Крымская набережная, Крымская площадь, Крымский тупик и т. д.

Недалеко от Крымского подворья на Конной площади (вблизи от станции метро «Шаболовская») сохранился Конный переулок – в годы княжения Василия III (1505–1533) центр ногайской конеторговли – «ордобазарцев». Еще одним местом, упоминание о котором есть в духовной грамоте Ивана Калиты, является район Теплого Стана, где жили «ордынцы», обслуживавшие при въезде в Москву послов Золотой Орды. Район Новогиреево (на рубеже XIX–XX вв. эту дачную местность называли Новым Гиреевым) имеет прямое отношение к ханской династии Гиреев. По воспоминаниям знатоков москов-

ской истории, расположенные здесь пруды были некогда выкопаны пленными турками, захваченными в плен Суворовым в ходе русско-турецких войн в XVIII в.

Картина «татарской Москвы» будет неполной, если не упомянуть Балчуг (от татарского «балчык» – «глина», «грязь», «болото») – старейшую и, возможно, самую короткую московскую улицу, соединяющую с Кремлем Арбат (от арабского «предместье» или «укрепление», в XIV в. Арбатом называли всю землю от Кремля до современного Садового кольца), Таганку («таган» – треножник для котла), Новую и Старую Басманные (от слова «басма» – ханская печать, которое затем трансформировалось в «басман» – любое рельефное изображение на металле, коже, хлебе, который выпекали дворцовые хлебопеки – басманники) (2), Черкизово (от названия с. Черкизово, принадлежавшего некогда татарскому аристократу Серкизу), а также Мансуровский переулочек, Большую и Малую Черкизовские улицы, Карачаровское шоссе и проезд, Кадашевскую набережную, Татарово (нынешнее Крылатское) [26. С. 27–28].

В духовной грамоте великого князя Московского Василия Дмитриевича (1389–1425) есть упоминание о селе Крылатском, которое было завещано его княгине: «...Семцинское село и с Самсоновским лугом, со всем, как было за моей матерью, да сельцо Федоровское Свиблово на Яузе и с мельниценою, да Крилатьевское село, что было за татаром» [27. С. 161].

Еще больше примеров татаро-мусульманской топонимики можно обнаружить в Подмосковье. Практически в каждом из районов Московской области можно найти населенные пункты, название которых прямо связано с «татарским периодом» российской истории. Например, Ордынцево в Подольском районе или села и деревни, связанные с корнем «татар»: село Татаринцево в Раменском районе, село Татариново в Ступинском, деревни с аналогичными названиями в Домодедовском и Можайском районах, деревня Татарское (по другой версии – Сатино-Татарское) в Подольском. В Наро-Фоминском районе есть деревня Татарка, а в Одинцовском и Лотошинском районах – Татарки, в Шаховском – Татаренки. К этому можно добавить связанные с личными именами деревни и села: Алеево, Алымовка, Амирово, Ахматово, Бегичево, Беклемишево, Киримово, Кудаево, Мансурово, Мусино, Рахманово, Салтыково, Тимирязево, Шарапово, Юсупово и т.д. Много деревень, имеющих корень «кара» (черный): Карабузино, Каракашево, Карамышево, Карачарово, Карачуново. Крымско-татарское происхождение имеет район Новогиреево, этимологически относящееся к ханской династии Гиреев, правившей некогда Крымом [28].

Важной характеристикой религиозной жизни Улуса являлась деятельность основанной в Сарае в 1261 г. епархии Русской Православной Церкви, духовное влияние которой распространялось на территории Золотой Орды, включая бассейн Волги и Дона.

В целях усиления политической позиции Москвы – главного сателлита Золотой Орды – младший сын Александра Невского Даниил, основатель самостоятельного Московского княжества, подарил епископу Сарайскому и Подонскому урочище на Москве-реке, которое из-за крутизны обрывистого берега именовалось Крутицами. В 1460 г. сарайская епархия была переведена в Москву, на Крутицы, где просуществовала вплоть до 1764 г. Один из исследователей истории Крутицкого подворья писал: «Епископы сарайские и подонские, пользуясь почетом и доверием в орде у ханов, имели немалое значение и для князей московских, являясь их ближайшими ходатаями и заступниками, и, вероятно, немало способствовали повышению Москвы. Недаром, в свою очередь, и князья московские платили им любовью и уважением и жаловали к их крутицкому дому многие недвижимые имущества, особенно Иван II и Дмитрий Донской» [29. С. 181].

Тот факт, что Крутицкое подворье около двух веков являлось связующим звеном между Москвой и Золотой Ордой, позволило ему в дальнейшем стать одной из самых влиятельных и богатейших митрополий Русской Православной Церкви, духовная власть которой распространялась на сотни тысяч прихожан в городах и деревнях России. Сегодня в иерархии Московского Патриархата Митрополит Крутицкий и Коломенский занимает особое место, исторически являясь постоянным членом Священного Синода.

Показательной характеристикой правления ордынских ханов является запрет с 1389 г. питейных заведений на территории московской Руси. «До 1389 года всякая питейная продажа была вольная, – писал историк и москвовед И.К. Кондратьев, – но в упомянутом году ханы татарские, обладавшие Россией, продажу и употребление крепких напитков запретили, что продолжалось до времен царя Иоанна Васильевича Грозного» [30. С. 499].

При царе Алексее Михайловиче (1645–1676), который был озабочен нравственным состоянием своих подданных, была предпринята, несмотря на видимую ущербность для казны, новая попытка остановить распространение пьянства и запретить продажу горячительных напитков в праздничные и постные дни. К этой борьбе подключился (а возможно, сам ее инициировал) патриарх Никон, который высказался за запрет продавать водку монахам и священникам, успевшим пристраститься к горькому зелью. Отныне после разрушения и закрытия многочисленных питейных заведений стал действовать принцип: «один город – один кабак».

В послеордынский период ислам и связанный с ним образ жизни еще продолжительное время прямо и косвенно играли заметную роль в жизни столицы и всего Московского государства, которое после падения Византии в 1453 г. и образования Османской империи, а также Астраханского, Казанского, Сибирского и Крымского ханств, оказалось в окружении мусульманских государств. Этот фактор во многом predetermined формирование внешнепо-

литических приоритетов государства: основным направлением международной политики в это время стало восточное. В начале XIII в. устанавливаются регулярные дипломатические отношения с первым государством Востока – Крымским ханством, на рубеже XV–XVI вв. – с Османской империей, с монархиями Сефевидов в Азербайджане и Иране, с образовавшейся после распада Золотой Орды Ногайской Ордой (3).

Покорение Казани в 1552 г. открыло новую страницу в истории «татарской Москвы», а именно: появление мусульманских форм в московском зодчестве, особенно в строительстве церквей и колоколен. Вершиной этого влияния может считаться сооруженный в честь взятия Казани храм Василия Блаженного (1555–1556). Архитектурным прототипом храма стал, по утверждению историка М. Худякова, известный памятник мусульманского зодчества, существовавший до захвата Казани, – мечеть Кул-Шариф. «...Своими архитектурными формами Василий Блаженный больше всего напоминает мечеть Кул-Шариф с ее 8-ми минаретами, предание о которых записано Марджани, – писал М. Худяков. – Восемь башен Василия Блаженного, увенчанные восточными куполами, находят себе поразительное соответствие в этих 8-ми минаретах. Русское правительство отчетливо выразило идею подчинения татарского государства России, перенеся архитектуру главной мечети Казани в Москву...» [31. С. 298–299].

Согласно другим сведениям, этот храм был построен не только в память покорения Казани, но и на казанские деньги, которые были захвачены Иваном Грозным в качестве «громальной добычи» при взятии города. Таким образом, этот замечательный московский храм, являющийся сегодня одним из зримых символов древней столицы, представляет собой живой пример материального присутствия средневековой Казани в историко-архитектурном облике Кремля и в целом Москвы, напоминая известные слова о ее «полуазиатской физиономии», сказанные Н.М. Карамзиным в «Записке о московских достопамятностях» в 1817 г. [32].

Заключение. Обобщая вышесказанное, можно отметить, что сложившиеся за столетия цивилизационные характеристики России во многом объективно опираются на исторические результаты развития средневековой Москвы, величие которой согласно оценке Карамзина состоялось благодаря активной преобразовательной деятельности ханов и широкому усвоению многообразного наследия Золотой Орды. Непреходящая важность «татарского периода» в истории России напоминает о себе и сегодня, когда предпринимаются попытки зафиксировать консолидирующие россиян общественные настроения с целью сформулировать идею национальной идентичности или найти «цивилизационный код» России. Результат имевшего широкий резонанс всероссийского (телефонного, SMS, Интернет) голосования «Имя Россия. Исторический выбор 2008» на РТР нельзя назвать неожиданным. Первое место в результате опроса было отдано великому князю Александру Невскому, который в пере-

ломный момент истории Руси предпринял смелую попытку объединения русских земель при абсолютной опоре на Золотую Орду, что позволило Москве безоговорочно завладеть золотоордынским ярлыком на великое княжение.

© Асадуллин Ф.А., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Аналогичный феномен наблюдался на византийском Понте, где на рубеже XIV–XV вв., согласно персидскому историку периода Тимуридов Хафизу Абуру (ум. 1431 г.), в местном обществе существовала страта «скрытых» мусульман. См.: Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 11.
- (2) На Малой Басманной в первой половине XIX в. жил «басманный философ» – Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), который в своих «Философических письмах» высказывал шокирующие высший свет Москвы и Николая I идеи относительно христианского учения и отмечал важность для человечества пророческой миссии Мухаммада, при этом открыто признаваясь ему в своей симпатии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990. № 1, 2.
- [2] Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. См. также: Allsen Th. *Mongol imperialism: the politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkley, 1987.
- [3] Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». М., 1988.
- [4] Слово о полку Игореве. М., 1968.
- [5] Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1998.
- [6] Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992.
- [7] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.
- [8] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
- [9] Известия. 23.11.2007. Интервью с Главным археологом Московского Кремля Татьяной Пановой.
- [10] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб., 1884.
- [11] Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М., 2011.
- [12] Герб и флаг России X–XX века. М., 1997.
- [13] Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1988.
- [14] Макарий (Булгаков). Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.

- [15] *Моисеев М.В.* Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов. М., 2006.
- [16] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863.
- [17] *Васькин А.* Бык, которого поедают. Про Федора Ростопчина и то, как увлечение политикой вредит литературе // НГ – EX LIBRIS. 28 июня 2012 г.
- [18] *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979; *Шамаро А.* Татарский пласт в русской культуре // Ислам минбаре, 1995. № 3–4.
- [19] *Батунский М.А.* Россия и Ислам. Т. I. Прогресс – Традиция. М., 2003.
- [20] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VII–IX. М., 1998.
- [21] См.: *Беляков А.В.* Чингизиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- [22] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- [23] *Бартольд В.В.* Турция, ислам и христианство // Соч. Т. IV. М., 1966.
- [24] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- [25] Казанская история / Подг. текста, вступ. слово и примечания Г. Н. Моисеевой. М.–Л., 1954.
- [26] *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.
- [27] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. М., 1950. Цит. по: Смолицкая Г. П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М, 1982.
- [28] *Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
- [29] *Мелентьев Ю.С.* О «золотом кольце» и связи времен. М., 1990.
- [30] *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 2002.
- [31] *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- [32] *Карамзин Н.М.* Записка о московских достопамятностях. М., 1820.

REFERENCES

- [1] Berdyayev N.A. The Russian idea // Questions of philosophy, 1990. No. 1, 2. [In Russ.]
- [2] Gumilev L.N. From Rus' to Russia. M., 1992. [In Russ.] See also: Allsen Th. Mongol imperialism: the politics of the Grand all qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkley, 1987.
- [3] Karamzin N.M. Traditions of centuries. Tales from the «History of the Russian state». M., 1988. [In Russ.]
- [4] Lay. M., 1968. [In Russ.]
- [5] Kulpin E.S. The Golden Horde. M., 1998. [In Russ.]
- [6] Tikhomirov M.N. Ancient Moscow in XII–XV centuries M, 1992. [In Russ.]
- [7] Kuchkin V.A. Negotiated letters of the Moscow princes of the XIVth century: foreign policy instruments. M., 2003. [In Russ.]
- [8] Cherepnin L.V. Formation of the Russian centralized state in XIV–XV centuries. M., 1960. [In Russ.]
- [9] Izvestuya. 23.11.2007. Interview with the Chief archaeologist of Moscow Kremlin Tatiana Panova. [In Russ.]
- [10] Tizengauzen V.G. Collection of materials relating to the history of the Golden Horde: extracts from the writings of Arab. Vol. 1. SPb., 1884. [In Russ.]
- [11] Landa R.G. Russia and the world of Russian Islam. M., 2011. [In Russ.]
- [12] State emblem and the flag of Russia Xxx century. M., 1997. [In Russ.]

- [13] Karamzin N.M. Traditions of centuries. M., 1988. [In Russ.]
- [14] Macarius (Bulgakov). Metropolitan of Moscow and Kolomna. The history of the Russian Church. KN. 3. M., 1995. [In Russ.]
- [15] Moiseev M.V. Leave of the «Tatars» and the Eastern policy of Russia in the XVI century // Foreigners in Russia in XV-XVII centuries. The collection of materials. M., 2006. [In Russ.]
- [16] Velyaminov-Zernov V.V. Investigation of Kasimov kings and princes. SPb., 1863. [In Russ.]
- [17] Vaskin A. Bull, who is eaten. About Fyodor Rostopchin and how the passion for politics is hurting literature // *Nezavisimaya Gazeta – EX LIBRIS*. June 28, 2012. [In Russ.]
- [18] Baskakov N.A. Russian names of Turkic origin. M., 1979; Shamar A. Tatar stratum of Russian culture // *Islam Minbar*, 1995. No. 3–4. [In Russ.]
- [19] Betonski M.A. Russia and Islam. T. I. Progress – Tradition. M., 2003. [In Russ.]
- [20] Karamzin N.M. History of the Russian state. T. VII–IX. M., 1998. [In Russ.]
- [21] See: Belyakov A.V. Genghis Khan in Russia XV–XVII centuries. Prosopographic research. Ryazan, 2011. [In Russ.]
- [22] Berdyaev N. The origins and meaning of Russian communism. M., 1990. [In Russ.]
- [23] Bartold V.V. Turkey, Islam, and Christianity. Vol. IV. M., 1966. [In Russ.]
- [24] Plyukhanova B.M. Stories and symbols of Muscovy. SPb., 1995. [In Russ.]
- [25] Kazan history / Prep. text, introd. word and notes G.N. Moiseeva. M.–L., 1954. [In Russ.]
- [26] Murzaev E.M. Turkic geographical names. M., 1996. [In Russ.]
- [27] Spiritual and contractual charters of the great and local princes in the XIV–XVI centuries. M., 1950. [In Russ.] Cit. by: Smolica G.P., Gorbanevsky M.V. Toponymy of Moscow. M, 1982.
- [28] Pospelov E.M. Toponymic dictionary of the Moscow region. M., 2000. [In Russ.]
- [29] Melentiev Y.S. About the «Golden ring» and connection times. M., 1990. [In Russ.]
- [30] Kondrat'ev I.K. Gray old Moscow. M., 2002. [In Russ.]
- [31] Khudyakov M. Essays on the history of the Kazan khanate. M., 1991. [In Russ.]
- [32] Karamzin N.M. Note on Moscow memorable objects. M., 1820. [In Russ.]

“TATAR MUSCOVY”: THE CULTURAL AND POLITICAL ASPECT

F. Asadullin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russia, 107031

The article examines the influence of the Golden Horde on various aspects of the life of Russian principalities. The author draws attention to the fact that one of the main principles of the construction of the Moscow state has become ethnic and religious tolerance. Khan Uzbek has a special role in promoting the rise of Moscow as the church capital of the emerging Russian state, which marked the beginning of the history of the Moscow Patriarchate. The khan's label issued to Metropolitan Theognost in 1326 served as an impetus for the establishment in Moscow of an Orthodox spiritual tradition and the centuries-old activity of the high priests of the Russian Orthodox Church.

After the Troubles in the Golden Horde in the middle of the fourteenth century, the intensity of the Ordyn migration to Moscow intensified. Among the Tatar aristocracy a special social stratum of serving Tatars was formed, which through the rite of baptism and gradually assimilated with the Russian ethnos merged with the Moscow population. The strong influence of the Horde principle is found in the organization of military affairs, the fiscal system, Yamsk (transport) service, production and diplomatic protocol, certain behavioral stereotypes, details of everyday life and clothing, royal regalia. In addition, the article points to the wealth of the Moscow toponymy, which has a Turkic or Arabic origin.

In the post-Ordin period, Islam and the lifestyle associated with it for a long time directly and indirectly played a significant role in the life of the capital and the entire Moscow state, which, after the fall of Byzantium in 1453 and the formation of the Ottoman Empire, was surrounded by Muslim states. This factor largely predetermined the formation of foreign policy priorities of the state.

Key words: Muslim community of Moscow, Muslim literature, Tartar community, Golden Horde

Об авторе:

Асадуллин Фарид Абдулович – ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН, заместитель Председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (Московского муфтията)

E-mail: a.farid@inbox.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-184-193

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Г. Эрдэнэбаяр

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена рассмотрению российско-монгольских отношений в области образования, науки и культуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью проанализировать нормативно-правовую базу двустороннего сотрудничества России и Монголии, культурные и образовательные контакты. Важным аспектом исследования является роль русскоговорящего населения Монголии в процессе установления связей. Методологическую основу составляют методы анализа ситуации, в том числе изучения документов и сравнение. Изучение документов применялось для исследования нормативно-правовой базы на трехуровневой основе: национальном, региональном и глобальном. Сравнение национальных нормативно-правовых актов необходимо для поиска точек соприкосновения между российским и монгольским законодательством в области культуры. Метод сравнения использовался для выявления сходств и различий в подходах России и Монголии к области образования и науки. Среди экспликативных методов необходимо выделить ивент-анализ, который применялся для последовательной систематизации взаимных культурных, научных и образовательных мероприятий, которые проходили на протяжении рассматриваемого периода в Монголии и в России. Результаты исследования представлены в виде выводов, содержащих в себе оценку динамики двусторонних культурных отношений, а также дальнейших перспектив развития контактов между странами.

Ключевые слова: Россия, Монголия, образование, культура, наука, нормативно-правовая база, культурные контакты

Введение. Культурное сотрудничество между государствами является объективной потребностью для создания прочных двусторонних и многосторонних связей. В условиях активного развития глобализационных процессов национальным государствам все сложнее сохранять культурную идентичность, что делает их уязвимыми перед влиянием более сильных игроков. Представление своей культуры, науки, искусства в других странах, знакомство с историей дает возможность снизить негативное влияние последствий глобализации. Научные и образовательные обмены являются важной составляющей для развития и прогресса общества. Именно поэтому, рассматривая двусторонние отношения, необходимо уделить особое внимание культурно-гуманитарному

сотрудничеству между странами, проследить динамику отношений в данной сфере, выявить взаимовлияние культур друг на друга.

Необходимость выживать в условиях глобализационных процессов для Монголии достаточна актуальна. В «Национальной программе развития науки и технологий в Монголии», разработанной Правительством Монголии, было обозначено, что наиболее приоритетным направлением научных исследований в стране является разработка образа монгольской цивилизации в условиях глобализации. Вторым приоритетным направлением обозначено сотрудничество с государствами, которые помогут расширить культурные границы, а не ограничить собственную систему культурных ценностей Монголии.

Россия и Монголия – государства, представляющие разные культуры и даже разные цивилизации, но они связанные прочными связями, которые отражаются на двусторонних отношениях. Если для установления экономических и политических отношений требуется прежде всего желание и возможности правительств двух стран, то в культурной сфере активно участвует и гражданское общество, у которого наблюдается желание расширять культурные границы.

Исследование проблемы. Для установления и нормального функционирования культурных отношений между государствами и развития взаимных контактов в области образования и науки необходима нормативно-правовая база, на основе которой будут заключаться двусторонние контакты. С помощью метода изучения документов можно проанализировать нормативно-правовую базу. Такая база существовала еще между СССР и Монголией.

Основной договор, определяющий культурное взаимодействие двух государств – Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о культурном и научном сотрудничестве 1971 г. Основные цели данного Соглашения заключались в содействии развитию и углублению сотрудничества в области «науки, высшего образования, просвещения, культуры, литературы и издательского дела, изобразительного искусства, печати, музыки, театра, кино, радио и телевидения, культурно-просветительной работы, здравоохранения и спорта» [1]. Стороны также договорились о расширении двусторонних культурных контактов, которые должны были выражаться в увеличении количества мероприятий, таких как образовательные обмены, конференции, спортивные соревнования. Это еще больше сблизило страны, создало почву для взаимодействия не только на высоком государственном уровне, но и на общественном.

В рамках этих договоренностей предпринимались реальные шаги по укреплению сотрудничества, особенно в области образования. По данным Министерства иностранных дел Монголии и Посольства Монголии в России, «в советских высших учебных заведениях культуры и искусства обучались известные композиторы, такие, например, как С. Гончисумлаа, Б. Дамдинсурэн, Л. Мурдорж, Лха. Дорж, Д. Лувсаншарав, хореографы Д. Лхасурэн, Б. Жамьяандагва, Д. Бэх-Очир, учителя танцев Ж. Жав, солисты Г. Хайдав,

Ц. Пурэвдорж, Ж. Дамиран, А. Загдсүрэн и пианист Шагдарсүрэн. Именно они стали флагами монгольской культуры и искусства XX в.» [2].

Соглашение 1971 г. фактически потеряло свою силу после развала Советского Союза. Российская Федерация также была заинтересована в налаживании культурного взаимодействия с Монголией. Поэтому в 1995 г. был заключен новый договор – Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве. В отличие от предыдущего Соглашения документ разделен на несколько частей, некоторые из которых ранее не очерчивались: образование; межакадемическое сотрудничество; культура и искусство; информация, печать и издательское дело; радиовещание, телевидение и кинематография; творческие союзы и другие организации; спорт, туризм, здравоохранение; другие обмены [3].

Первое место в данном Соглашении занимает образование и образовательные обмены между представителями обоих государств. В качестве особого достижения стоит выделить договоренность о создании рабочих групп при Министерствах образования и науки, которые и берут на себя ответственность за организацию большинства конференций, симпозиумов, а также подготовку совместных публикаций и учебных пособий.

В качестве дополнительного нормативно-правового акта можно рассматривать и Соглашение между Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации и Министерством науки и образования Монголии о научно-технологическом сотрудничестве, заключенного в 1993 г. Оно призвано способствовать взаимовыгодному сотрудничеству между двумя странами в области науки и техники в целях ускорения научно-технического прогресса [4. С. 198]. Научно-техническое сотрудничество может стать одним из факторов развития отношений до уровня стратегического партнерства. Этому способствует как обмен технологиями, так и взаимные консультации технических специалистов.

В нормативно-правовую базу российско-монгольских научно-образовательных и культурных связей можно также включить Программу культурного и научного сотрудничества между Правительством Монголии и Правительством Российской Федерации на 1999–2001 гг., подписанную в Москве 31 марта 1999 г., и Протокол о сотрудничестве между Министерством культуры России и Министерством просвещения Монголии на 2000–2001 гг. (Улан-Батор, 1999 г.) [5].

Реализация закрепленных договоренностей нормативно-правовой базы в области культурного сотрудничества идет в нескольких направлениях. Во-первых, это образовательные и научные инициативы, во-вторых, языковой аспект, в-третьих, культурные мероприятия. Каждое из направлений имеет свои особенности и перспективы, при этом они тесно связаны друг с другом.

С практической точки зрения активизация научных и образовательных инициатив между Россией и Монголией началась в 2000 г. после визита рос-

сийского Президента В.В. Путина в Монголию. Во время визита произошло подписание целого пакета документов, а также произошел ряд знаковых для двусторонних отношений событий: Владимир Путин наградил Президента Монголии Нацагийна Багабанди орденом Дружбы, Президент России возложил венок к памятнику советским воинам на горе Зайсан.

Основой для налаживания новых отношений в области науки стала образовательная сфера и как следствие масштабное распространение русского языка среди монголоязычного населения. Первая российско-монгольская совместная школа была открыта в 1725 г. в Иркутске. В 1832 г. по инициативе Департамента иностранных дел России в городе Троицкосавске (недалеко от монгольской границы) было создано русско-монгольское войсковое училище для подготовки переводчиков монгольского языка [6]. Такой вклад России в развитие монгольского образования был существенным и необходимым в силу того, что большая часть населения Монголии была неграмотной, образование ограничивалось лишь обучением чтению, счету и письму: «вплоть до 1921 г. монастыри продолжали оставаться основным, и практически единственным, местом получения образования. Поэтому человек, желающий дать своему ребенку какое-либо образование, был вынужден отдать его в монастырь» [6].

При этом интересным является тот факт, что несмотря на то, что в современном мире монастырское образование представляет собой редкое явление, в Монголии оно частично сохранилось. В сентябре 2009 г. при содействии Фонда «Русский мир» в Свято-Троицком приходе столицы Монголии работает русский детский культурный центр. Основная цель создания данного культурного центра – позволить детям из малообеспеченных семей изучать русский язык. Обучение бесплатное. «Занятия проводятся по разным направлениям, такие кружки как: кружок русского языка, кружок русского балета, кружок изобразительного искусства, кружок гончарного искусства» [7].

Россия готова содействовать развитию института образования в Монголии не только в рамках монастырского образования, но и в рамках отдельной отрасли общественной организации. В конце XX в. – начале XXI в. тенденция взаимодействия России и Монголии в образовательной сфере продолжилась. Главным образом, это сотрудничество проходит на уровне университетов, а также через открытие филиалов российских университетов в Монголии. С 1999 г. в Улан-Баторе функционирует филиал РЭУ им. Плеханова. При этом образование проходит сразу на нескольких уровнях: высшее, послевузовское, дополнительное профессиональное. «Студентам и учащимся предоставляются комфортные условия для получения престижного образования и всестороннего развития их личности. Обучение на всех уровнях проводится на русском языке по российским образовательным стандартам» [8].

Уровень оценки деятельности филиала достаточно высок. В 2016 г. РЭУ им. Плеханова в Улан-Баторе посетил заместитель генерального директора Улан-Удэнской компании «Полином» Ж.П. Гунзынов. Обсуждались вопросы образовательного характера, в частности, основной упор был сделан на

подготовку учебных материалов для детей, обучающихся на русском языке. В эту сферу инвестируются средства обеих сторон.

Вторым образовательным учреждением, имеющим филиал в Монголии, является Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. В 2000 г. на основе межведомственного протокола приказа Министерства образования России создан Улан-Баторский филиал ВСГУТУ. «В филиале предусмотрено обучение студентов в течение 1–2 лет с последующим их переводом и завершением образования в головном вузе по выбранной специализации (г. Улан-Удэ). В связи с территориальной отдаленностью в филиале предусмотрен вахтовый метод обучения. За годы существования филиала через его стены прошли более 1000 студентов» [9].

Такое тесное сотрудничество между представителями высших учебных заведений потребовало дополнений к нормативно-правовой базе. В частности, 15 мая 2013 г. было подписано очень важное Соглашение между Правительствами России и Монголии о взаимном признании образовательных документов, ученых степеней и ученых званий. Взаимное признание документов об образовании является важным шагом для обоих государств. Учитывая, что большое количество монгольских студентов обучаются в России, им необходимо, чтобы в Монголии документы о получении высшего образования признавались легитимными.

Другие университеты России также принимают активное участие в популяризации русского языка и русской культуры в Монголии. Алтайский государственный технический Университет им. И.И. Ползунова в 2009 г. открыл ряд школ в Баян-Ульгийском аймаке и в городе Ховд. «В открытых в Монголии школах русский язык изучается по программе, которая утверждена министерством образования РФ, учащимися 6–11 классов. Для обучения школьников в русских школах в Монголии широко используются учебники и книги на русском языке» [10].

Важным аспектом деятельности Алтайского государственного технического университета является участие в грантах, организованных российскими научными фондами. Примером может служить Конкурс проектов фундаментальных научных исследований 2016 г. (с Монголией) на базе Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). «В качестве основной задачи конкурса рассматривается развитие международного сотрудничества в области научных исследований, финансовая поддержка совместных проектов фундаментальных научных исследований, осуществляемых учеными из России и Монголии» [11]. На фоне этого можно говорить о том, что русский язык становится основной единицей, которая связывает российско-монгольские образовательные инициативы.

Русский язык становится более популярным в Монголии, вследствие чего расширяется поле для его изучения: русский язык и русская литература изучается в качестве дисциплины в Монгольском государственном университете,

Монгольском государственном университете культуры и искусства. В Университете образования создана целая кафедра русского языка.

Существуют проекты по исследованию восприятия русского языка иностранцами. Монгольские респонденты считают русский язык красивым по звучанию: «Самое удивительное, что русский язык может звучать совершенно по-разному: все зависит от говорящего, и от того, что именно говорится. В принципе, от русского языка при желании можно добиться ангельского звучания. Русский – это пластилин, из которого мастер может вылепить все, что пожелает» [12. С. 132]. Можно говорить о том, что изучающие русский язык высоко оценивают вклад России и русского языка в культурное разнообразие Монголии.

Активно действует Монгольская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Помимо функции распространения русского языка в Монголии Монгольская Ассоциация преподавателей русского языка и литературы взяла на себя миссию по подсчету русскоговорящего населения Монголии. Первая социологическая статистика была создана еще в 90-е гг. XX в.: «67,5% опрошенных могли читать и понимали русский язык, 45% – могли писать, 44,8% – понимали и 33,7% – говорили на русском языке. 74% опрошенных утвердительно ответили на вопрос: “Используете ли Вы русский язык?”. Причем 20% использовали русский язык ежедневно, 22% – несколько раз в неделю, 17,2% – несколько раз в месяц, остальные – с иной периодичностью» [13]. Дальнейшие исследования показывают, что данные показатели в XXI в. практически не изменились, снизился лишь процент тех, кто ежедневно использовал русский язык. Это связано с переходным периодом в российской экономике и недостатком финансирования культурной сферы и продвижением русского языка за рубежом.

В Монголии активно работает Российский центр науки и культуры (РЦНК), который был открыт в 1976 г. Мероприятия, проводимые в рамках сотрудничества России и Монголии, чаще всего организовываются на базе данного центра. Такие мероприятия, как международные конференции, образовательные выставки, конкурсы детского творчества, новогодние мероприятия, призваны расширить культурные связи России и Монголии. Основными целями РЦНК является поддержка соотечественников за рубежом, продвижение русской культуры, укрепление позиций русского языка, образовательные инициативы, общественная дипломатия [14]. Например, в 2010 г. в Улан-Баторе в Российском центре науки и культуры состоялась международная научно-практическая конференция «Монгольское россиеведение: современное состояние и перспективы». Представители филиалов РЭУ им. Плеханова и ВСГУТУ также приняли участие в конференции. Ежегодно организуется Российская образовательная выставка.

С 2011 г. в центре работают курсы русского языка для монгольских детей. В 2016 г. был создан похожий проект. Министр образования, культуры и науки Монголии Ж. Батсуурь на встрече с представителями государственно-

го университета образования Монголии заявил о создании нового центра русского языка: «еще 430 монгольских детей смогут учиться в вузах России в 2017–2018 учебном году на стипендии правительства РФ. Сдать единый госэкзамен для поступления они смогут в центре сдачи ЕГЭ, который будет работать в Монгольском государственном университете образования» [15]. Поддержать данный проект предложено МГУ им. Ломоносова.

Заключение. В качестве основных выводов, которые можно сделать исходя из представленного анализа образовательной и научной сфер, необходимо отметить долгосрочные и тесные отношения между Россией и Монголией. Динамика этих отношений постепенно нарастает. Существующая нормативно-правовая база российско-монгольских культурных отношений говорит о том, что обе стороны со всей ответственностью относятся к созданию рамок, в которых функционируют эти отношения. К юридическим недостаткам относится несвоевременное обновление этой базы, большой временной промежуток между двусторонними соглашениями. Было выявлено, что наибольшее влияние на образовательную сферу оказывает изучение русского языка в монгольских учебных заведениях. Это является хорошим базисом, однако необходимо развивать образовательные контакты и в рамках отдельных гуманитарных и технических наук. Наличие совместных проектов в области науки говорит о том, что культурные и образовательные отношения между Россией и Монголией носят стратегический характер и имеют широкомасштабные перспективы для развития.

© Эрдэнэбаяр Г., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о культурном и научном сотрудничестве. 1971 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901371>.
- [2] О монголо-российском сотрудничестве в области культуры // Посольство Монголии в Российской Федерации. URL: http://embassymongolia.ru/?page_id=3129&lang=ru.
- [3] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве 1995 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901079>.
- [4] Соглашение между Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации и Министерством науки и образования Монголии о научно-технологическом сотрудничестве 1993 г. // Действующие международные соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Министерство образования и науки РФ. Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России. М., 2009.

- [5] Российско-монгольское гуманитарное сотрудничество. 17.01.02 // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/mn/-/asset_publisher/rvuygVo4bpCH/content/id/569192.
- [6] *Супрунова Л.Л.* Образование как средство монголо-российского сотрудничества. URL: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/informations/education.shtml>.
- [7] В столице Монголии при Свято-Троицком приходе открылся русский детский культурный центр // Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей. 21.10.2009. URL: <https://mospat.ru/ru/2009/10/21/news6803>.
- [8] Улан-Баторский филиал ФГБОУ ВО «РЭУ им.Г.В. Плеханова» // РЭУ им. Г.В. Плеханова. URL: <http://www.rea.ru/ru/org/branches/Pages/ulanbator.aspx>.
- [9] Улан-Баторский филиал ВСГУТУ (Монголия, г. Улан-Батор). URL: <https://esstu.ru/portal/departments/mongol.htm>.
- [10] Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. URL: <http://www.altstu.ru/structure/unit/press/news/596>.
- [11] РФФИ. Конкурс проектов фундаментальных научных исследований 2016 года (с Монголией) // Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. 2016 г. URL: <http://www.altstu.ru/structure/unit/noo/scienceevent/2645>.
- [12] *Бадмаев А.З.* Образ России и русский язык в Монголии: от советского наследия к современности // Вестник бурятского государственного университета. № 8. Улан-Удэ. 2011.
- [13] *Эрдэнэмаам С.* Русский язык в Монголии // Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Монголия, Улан-Батор, МонПИУ. URL: <http://ru.margyal.org/русский-язык-в-монголии>.
- [14] Деятельность Российского Центра науки и культуры в Улан-Баторе. URL: <http://mng.rs.gov.ru/ru/activities>.
- [15] *Медведева В.* Учебный центр русского языка создадут в Монголии. 14.12.2016 // NewsBabr. URL: <http://newsbabr.com/mong/?IDE=153127>.

REFERENCES

- [1] Soglasenie mezhdru Sojuzom Sovetskih Socialisticheskikh Respublik i Mongol'skoj Narodnoj Respublikoj o kul'turnom i nauchnom sotrudnichestve. 1971 g. // Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy informacii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901371>.
- [2] Mongolo-rossijskom sotrudnichestve v oblasti kul'tury // Posol'stvo Mongolii v Rossijskoj Federacii. URL: http://embassymongolia.ru/?page_id=3129&lang=ru.
- [3] Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Mongolii o kul'turnom i nauchnom sotrudnichestve 1995 g. // Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy informacii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901079>.
- [4] Soglasenie mezhdru Ministerstvom nauki, vysshej shkoly i tehniceskoy politiki Rossijskoj Federacii i Ministerstvom nauki i obrazovanija Mongolii o nauchno-tehnologicheskom sotrudnichestve 1993 g. // Dejstvujushhie mezhdunarodnye soglasenija o nauchno-tehnicheskom sotrudnichestve. Ministerstvo obrazovanija i nauki RF. Departament mezhdunarodnogo sotrudnichestva v obrazovanii i nauke Minobrnauki Rossii. М., 2009.
- [5] Rossijsko-mongol'skoe gumanitarnoe sotrudnichestvo. 17.01.02 // Ministerstvo inostrannyh del RF. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/mn/-/asset_publisher/rvuygVo4bpCH/content/id/569192.

- [6] Suprunova L.L. Obrazovanie kak sredstvo mongolo-rossijskogo sotrudnichestva. URL: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/informations/education.shtml>.
- [7] V stolice Mongolii pri Svjato-Troickom prihode otkrylsja russkij detskij kul'turnyj centr. // *Russkaja pravoslavnaja cerkov'*. Otdel vneshnih cerkovnyh svjazej. 21.10.2009. URL: <https://mospat.ru/ru/2009/10/21/news6803>.
- [8] Ulan-Batorskij filial FGBOU VO «RJeU im.G.V. Plehanova» // RJeU im. G.V. Plehanova. URL: <http://www.rea.ru/ru/org/branches/Pages/ulanbator.aspx>.
- [9] Ulan-Batorskij filial VSGUTU (Mongolija, g. Ulan-Bator). URL: <https://esstu.ru/uportal/departments/mongol.htm>.
- [10] Altaiskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. I.I. Polzunova. URL: <http://www.altstu.ru/structure/unit/press/news/596>.
- [11] RFFI. Konkurs proektov fundamental'nyh nauchnyh issledovanij 2016 goda (s Mongoliej) // Altaiskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. I.I. Polzunova. 2016 g. URL: <http://www.altstu.ru/structure/unit/noo/scienceevent/2645>.
- [12] Badmaev A.Z. Obraz Rossii i russkij jazyk v Mongolii: ot sovetskogo nasledija k sovremennosti // *Vestnik burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 8. Ulan-Udje. 2011.
- [13] Jerdjenjemaam S. Russkij jazyk v Mongolii // *Mezhdunaodnaja Asociacija prepodavatelej russkogo jazyka i literatury*. Mongolija, Ulan-Bator, MonGPU. URL: <http://ru.mapryal.org/russkij-jazyk-v-mongolii>.
- [14] Dejatel'nost' Rossijskogo Centra nauki i kul'tury v Ulan-Batore. URL: <http://mng.rs.gov.ru/ru/activities>.
- [15] Medvedeva V. Uchebnyj centr russkogo jazyka sozdatut v Mongolii. 14.12.2016. // *NewsBabr*. URL: <http://newsbabr.com/mong/?IDE=153127>.

INTERACTION OF RUSSIA AND MONGOLIA IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENCE

G. Erdenebajar

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to Russian-Mongolian relations in the field of education, science and culture. The research urgency is caused by necessity to analyse the normative-legal base of bilateral cooperation between Russia and Mongolia, cultural and educational contacts. An important aspect of research is the role of the Russian-speaking population of Mongolia in the process of establishing relationships. The methodological basis consists mainly of methods, including document review and comparison. The study of documents was used to study regulatory framework on a three-level basis: national, regional and global. The method of comparison was used to identify similarities and differences in the approaches of Russia and Mongolia to the field of education and science. Among the explicative methods it is necessary to allocate event-analysis, which was used for serial ordering of mutual cultural, scientific and educational activities that took place during

the period under review, Mongolia and Russia. The results are presented in the form of findings, containing an assessment of the dynamics of bilateral cultural relations.

Key words: Russia, Mongolia, education, culture, science, regulatory, and cultural communication

Об авторе:

Эрдэнэбаяр Ганхуяг (Монголия) – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов

E-mail: erdenebaiar@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-194-198

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**WENDY Z. GOLDMAN WOMEN, THE STATE AND REVOLUTION:
SOVIET FAMILY POLICY AND SOCIAL LIFE, 1917–1936
(CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 1993. 367 P.)**

М.О. Сергеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Венди З. Голдман – заслуженный профессор истории Университета Карнеги-Меллона (Питтсбург, штат Пенсильвания). Она специализируется на социальной и политической истории России. В 2010 г. на русском языке вышла ее книга «Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии», посвященная глобальным изменениям, произошедшим в процессе гендерного реструктурирования советской экономики. Важно отметить, что это было одно из первых исследований, посвященных социальной истории советских женщин-работниц 1930-х гг.

Книга привлекла к себе внимание и получила множество положительных отзывов среди специалистов [1; 2]. Однако это была лишь часть глобального исследования, посвященного гендерному вопросу в Советском Союзе. Первая работа автора, монография «Женщина, государство и революция: Советская политика в отношении семьи и общественной жизни», вышла в 1993 г. на английском языке и еще никогда не переводилась на русский язык.

Хронологические рамки книги обширны и охватывают первые двадцать лет большевистского режима, начиная с 1917 г. и заканчивая 1936 г. Необходимо отметить, что В.З. Голдман первой предпринимает столь масштабное комплексное исследование, рассматривает проблему социального положения женщины в Советском Союзе с самых разных сторон. На одной из книжных выставок Великобритании в 1993 г. эта монография была признана лучшей исторической работой, написанной женщиной.

В.З. Голдман открывает новые источники, которые принципиально важны для современных историков, политологов и социологов. Приведенные в работе архивные и опубликованные статистические данные позволяют взглянуть на изучаемую проблему гораздо шире. В.З. Голдман кропотливо анализирует множество нормативных документов, включая сборники законов и собрания постановлений правительства СССР за весь исследуемый период. Помимо

этого автор тщательно изучает советскую прессу. Многие данные заимствованы из таких популярных газет, как «Работница», «Крестьянка», «Ленинградская правда».

Публицистические данные подкрепляются научными исследованиями. В.З. Голдман опирается на материалы различных научно-практических конференций того периода, в которых приводились статистические и аналитические данные по исследуемой проблеме. Также необходимо отметить, что автор скрупулезно рассматривает все возможные источники. Например, в разделе монографии, посвященном проблеме абортов в СССР, В.З. Голдман обращается к данным известных медицинских научных журналов: «Гинекология и акушерство», «Советский врачебный журнал», «Врачебное дело». В разделах, касающихся юридического положения женщины в Советском Союзе, автор цитирует такие профессиональные научные журналы, как «Социалистическая законность», «Право и жизнь», «Советское государство и право», «Вестник советской юстиции» и др.

Новизна методики исследования, масштаб работы и комплексный анализ представленных данных имеют несомненную ценность для исследователей. Особенно следует отметить «устные истории советских женщин», которые автор приводит в монографии.

В.З. Голдман прослеживает динамику социального положения женщины в первые два десятилетия Советской власти. Автор беспристрастно рассматривает множество фактов, избегает оценочных суждений, что является несомненным плюсом работы.

Необходимо отметить высокий уровень анализа источников. В данном исследовании В.З. Голдман ставит фундаментальные вопросы о роли женщины в государстве и социуме. Она одной из первых обращает внимание на гендерное направление в исследовании истории Советского Союза.

Книга разделена на восемь глав по тематическому признаку. Деление не носит формального характера и представляется оправданным. В первой главе автор объясняет большевистское видение свободы женщины, основываясь, в первую очередь, на работах А. Коллонтай. В.З. Голдман аргументировано доказывает, что вовлечение женщины в социальную жизнь было невозможно без комплексной трансформации института брака, отношения к имуществу и, в конечном итоге, без изменения института семьи. До Октябрьской революции и последовавших вслед за ней реформ система домашнего хозяйства, в которую была вовлечена женщина, гарантировала старикам, детям и инвалидам возможность выжить в мире. Задачи социальной поддержки и воспитания детей целиком лежали на плечах женщины, не позволяя ей полноценно участвовать в трудовой жизни. Поэтому большевики продвигали идею отчуждения семьи, реализовывали систему общепитов и детских садов, которые позволяли женщинам «забыть» о необходимости выполнять материнские функции.

Во второй главе В.З. Голдман рассматривает проблему беспризорности в Советской России.

Используя различные архивные и статистические данные, автор отмечает рост беспризорности и сопровождавшей это явление преступности. В 1917 г. количество бездомных детей равнялось примерно 30 тыс. человек, а к 1921 г. оно выросло до 540 тыс. [С. 65]. Дети оказывались на улице по разным причинам.

Обращаясь к «устным историям» беспризорников и сотрудников детских домов, В.З. Голдман отмечает «отсутствие грамотного планирования снабжения, которое приводило к нехватке электричества, масла и даже еды» [С. 66]. Детьми никто не занимался, это приводило к тому, что они пили, играли в карты, воровали, многие девочки начинали заниматься проституцией, а многие попросту исчезали на улицах, где их ждала смерть [С. 68].

Опираясь на целый комплекс документов, В.З. Голдман максимально полно обрисовывает попытки государства разрешить сложившуюся ситуацию, дабы уменьшить количество беспризорников и стимулировать население усыновлять детей. Одной из таких попыток был план реорганизации детских домов в самостоятельные трудовые колонии, которые позволили бы детям получить профессию и быть полезными обществу.

Но государство было не готово к огромным расходам на поддержание детских домов. Стремясь сократить численность детей в таких заведениях, чиновники посылали тех на заводы, мало заботясь об их будущем: принимающие организации были совершенно не готовы. Все эти действия провоцировали рост детской преступности. В.З. Голдман приводит исследования 1922 г., которые показывают тесную связь между этими явлениями: порядка 90% детей, не имевших родителей, были замешаны в различных преступлениях.

В последующих трех главах В.З. Голдман уделяет пристальное внимание изменениям в земельном кодексе и упрощением процесса развода. Она обращает внимание, что в 1918 г. за женщиной юридически закрепляется право собственности, а в 1925 г., согласно изменениям семейного кодекса, женщина получает право на часть имущества в случае развода. Также автор отмечает упрощение регистрации браков и бракоразводных процессов, прослеживает развитие системы ЗАГСов. В этот период в России появляется такой термин, как «сожитительство», который давал женщине, не зарегистрировавшей свои отношения в ЗАГСе, но де-факто исполняющей все супружеские обязанности, право на имущество, приобретенное совместно с ее «супругом», а также расширенные права на алименты и т.п. Впрочем, в шестой главе В.З. Голдман аргументировано доказывает, что последовавшая за этими реформами сексуальная свобода привела к социальному хаосу. Идеи уравнивать в правах семьи, зарегистрировавшие свои отношения юридически, и «браки де-факто», вызывали в обществе активную полемику. По сути, брак становился социальным фактом, а его регистрация – юридическим актом, что существенно отличалось от системы, существовавшей ранее, признававшей лишь браки в церкви и полностью отрицавшей идею разводов. Также В.З. Голдман изучает фено-

мен проституции в Советской России. Она приводит обширные статистические исследования, согласно которым становится ясно, что 60% процентов проституток – это женщины из рабочего класса, которые не имели работы, несмотря на то, что более 44% обладали рабочими навыками. Таким образом, В.З. Голдман вскрывает еще одну социальную проблему: несмотря на провозглашенное равноправие, женщины все равно имели меньше шансов найти работу на фабриках и заводах, а несбалансированная экономическая политика не позволяла им реализовывать свои навыки в иных областях. Голод становился самым мощным фактором, который толкал женщин к проституции [С. 119].

В седьмой главе В.З. Голдман дает анализ динамики отношений общества и государства к абортам на протяжении всего исследуемого периода. Автор прослеживает, как аборты из «акта преднамеренного убийства» трансформируются в «легальную возможность прерывания беременности», а затем вновь запрещаются. Она отмечает что, в 1920-х гг. были своеобразные квоты на аборты, где преимущество имели женщины с проблемами со здоровьем, на втором месте – социально застрахованные, в то время как студенты, крестьяне и безработные такого права не имели. Несмотря на это, первое место по количеству абортот приходилось на провинциальные губернские города, причем 78% женщин, воспользовавшихся правом на аборт, уже имели как минимум одного ребенка. Запрет на аборты в 1936 г. сопровождался массовой пропагандистской кампанией, призванной развенчать «идеи освободительной политики 1920-х годов» [С. 291]. Это спровоцировало увеличение количества разводов, рост социальной нестабильности, беспризорности и волну преступлений, в том числе и на медицинской почве.

В последней главе В.З. Голдман подводит итоги своего масштабного исследования. Она подчеркивает, что концепция «новой социалистической семьи», которую продвигали большевики, провалилась из-за того, что социальная, экономическая и юридическая почва была не подготовлена. Женщины попадали в замкнутый круг, из которого не было выхода: чтобы получить образование и работу, они должны были отринуть материнские функции, однако государство не предлагало альтернатив. Одним из позитивных моментов изучаемого периода стал пересмотр государством взглядов на половую мораль и семейные взаимоотношения.

Данное комплексное исследование представляет несомненный интерес для историков, политологов и социологов, занимающихся историей советского периода, гендерными и социально-экономическими вопросами. Книга написана в увлекательной манере, что делает работу привлекательной не только для специалистов, но для широкого круга читателей. Надеемся, что эта монография привлечет внимание издателей и будет переведена на русский язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- [1] *Любимова А.Д.* Гендерная политика и формирование рабочего класса в СССР // *Голдман В.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН: фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. С. 415–422 [Lyubimova A.D. Gendernaya politika i formirovanie rabocheho klassa v SSSR in: Goldman V. Zhenshchiny u prokhodnoi. Gendernye otnosheniya v sovetsoi indistrii (1917–1937 gg.). Moscow: ROSSPEN: fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2010, pp. 415–422 (in Russian)].
- [2] *Сухова О.А.* Гендерные аспекты крестьянского сопротивления в российской истории XX в.: к постановке проблемы // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2011. № 23. С. 584–589 [Sukhova O.A. Gendernye aspekty krest'yanskogo soprotivleniya v rossiiskoi istorii KhKh v.: k postanovke problem. Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2011; 23:584–589 (in Russian)].

BOOK REVIEW OF:

**WENDY Z. GOLDMAN WOMEN, THE STATE AND REVOLUTION:
SOVIET FAMILY POLICY AND SOCIAL LIFE, 1917–1936
(CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 1993. 367 P.)**

M.O. Sergeeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

Об авторе:

Сергеева Мария Олеговна – аспирант кафедры Истории России Российского университета дружбы народов
E-mail: matreshka_galery@inbox.ru